

Виктория Александер
Желание леди
Серия «Последний холостяк», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=179194

Желание леди:
ISBN 978-5-17-056627-3, 978-5-403-00629-3

Аннотация

Сэр Найджел Кавендиш считал, что до женитьбы у него уйма времени и на его долю выпадет еще много веселых походов и ни к чему не обязывающих связей...

Впрочем, мужчины предполагают, а женщины располагают.

С той секунды как взор юной Фелисити Мелвилл обратился на Найджела, судьба его была решена. Бедняга непременно женится на ней, и не по необходимости, а по страстной любви!

Конечно, влюбить в себя самого беспутного повесу лондонского света будет не просто, но Фелисити и не ищет легких путей. Она замышляет хитрый план, который рано или поздно приведет ее к успеху, а сэра Найджела – к алтарю...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Виктория Александер

Желание леди

Эту книгу с благодарностью посвящаю Брайану и Карен Гроганам – добрым, мудрым и знающим, как хорошо провести время на суше и на море.

Пролог

Лондон

Апрель 1854 года

– Теперь нас трое, – тихо проговорил Оливер Лейтон, граф Норкрофт.

– Трое.

Благородный Найджел Кавендиш, наследник виконта Кавендиша повторил это единственное слово с явной ноткой отвращения.

– Вы оба понимаете, что в этом присутствует положительный момент, – заметил Дэниел Синклер, единственный американец в их компании, присутствовавший на тот момент в их любимом мужском клубе в центре Лондона. К нему обратились два взгляда, полные скептицизма.

– Это мог быть один из нас.

– Согласен, согласен, – отозвался Кавендиш и поднял бокал.

Мужчины собрались оплакать переход одного из них от радостей холостяцкой жизни к священным узам брака. Но если говорить начистоту, джентльмен, о котором шла речь – лорд Уортон, – повеселился бы над печальными выражениями лиц своих троих друзей, поскольку как раз в этот момент находился на седьмом небе от счастья где-то на юге Испании, наслаждаясь прелестями новоиспеченной леди Уортон.

– А еще он потеряет свою долю фонда, – заметил Оливер.

– Сильно сомневаюсь, что это его вообще интересует, – ответил Синклер.

Вместе с Уортоном, подавшим эту идею, мужчины создали фонд, основанный исключительно на обоюдной антипатии к браку. Последний оставшийся холостяком, получит фонд.

– О да! – Кавендиш поболтал бренди в своем бокале.

– По одному шиллингу от каждого из нас, включая Уортона, в общей сложности четыре шиллинга.

– А еще бутылка на стойке.

Синклер усмехнулся:

– Одного этого достаточно, чтобы остаться счастливым холостяком, если кому-то из нас нужна поддержка на будущее.

– Не будем забывать, джентльмены, что четыре шиллинга и бутылка коньяка – просто символы, – сказал Оливер.

– Настоящая награда...

– Свобода, – решительно заявил Кавендиш.

– Право поступать, как нам нравится и когда нам нравится, не отчитываясь ни перед кем.

Кто мог бы ценить эту привилегию больше, чем Кавендиш? Из трех оставшихся членов фонда Найджел Кавендиш больше всего склонен к неэтичным поступкам с противопо-

ложным полом, особенно с вдовами или с женами определенных убеждений, не считавшими нужным хранить супружескую верность и искавшими развлечений на стороне. Кавендиш – герой амурных походов – часто оказывался в центре таких скандалов, а Оливер мог бы привести множество примеров, когда его могли просто пристрелить.

Оливер дружил с Кавендишем со школы и, признаться, с тех пор тот мало изменился. То есть остался таким же любителем повеселиться, каким был в юности. Оливер иногда задумывался, что произойдет, когда Кавендиш унаследует титул и ответственность за свое семейство, капиталовложения и семейное состояние. И все же Кавендиш хороший человек и друг.

– Кавендиш, стоит подумать, нужно ли так стремиться к этой свободе, – задумчиво проговорил Синклер.

– Подозреваю, что и Уортон, и Хелмсли сказали бы, что любовь хорошей женщины, перспектива семьи, супруга, достойная доверия до конца дней, даже дружеские отношения стоят того, что пожертвовать ради них некоторой свободой. Ты меняешь женщин как перчатки, а что у тебя есть на случай неприятностей?

Кавендиш усмехнулся:

– Воспоминания, старина, замечательные воспоминания.

Оливер расхохотался:

– Неплохой ответ!

Дэниел Синклер присоединился к ним, когда отец устроил его брак с двоюродной сестрой Оливера. Ни Синклер, ни двоюродная сестра Оливера Фиона не имели к этому ни малейшей склонности, им просто повезло, когда Фиона влюбилась в лорда Хелмсли, старого друга Оливера. Синклер и Оливер вдруг обнаружили, что, несмотря на определенные разногласия, у них много общего, и подружились всего за несколько месяцев, когда он приехал в Англию.

Синклер в Лондоне искал инвесторов для железнодорожного предприятия в США. Инвесторами стали все члены фонда, включая Хелмсли. Американец планировал собрать необходимую сумму в течение нескольких месяцев, а потом вернуться в США и заняться строительством железной дороги. Оливер нисколько не сомневался, что Синклер сможет увеличить их капитал.

– Норкрофт, а ты что об этом думаешь?

Кавендиш внимательно посмотрел на друга.

– Стоит игра свеч? Свобода или любовь?

– Вечер только начался, и я слишком трезв, чтобы отвечать на такие вопросы.

Оливер глотнул бренди.

– Такие вопросы лучше обсуждать поздней ночью, когда удовлетворишь свои порывы. Тогда мир видится в совершенно ином свете, и считаешь, что собственным наблюдениям присущи пронизательность и блеск.

– Признай все же, что вопрос занимательный, и мне хотелось бы узнать твое мнение, – мягко заметил Синклер.

Кавендиш с любопытством посмотрел на Оливера.

– Норкрофт, что скажешь? Свобода или любовь?

Оливер подумал.

– Думаю, все относительно и сильно зависит от конкретной ситуации. Например, ты... – Он посмотрел Кавендишу в глаза. – Тебе еще предстоит получить титул и связанные с ним обязанности. У тебя свобода и деньги, ты можешь поступать, как тебе угодно, что ты и делаешь. Ты – любезный и веселый человек. Более того, хороший друг, но до сих пор жизнь твоя состояла исключительно из легкомысленных поступков. В ней нет ничего серьезного.

– Довольно резко. – Кавендиш поморщился. – Верно, но резко.

– Любовь может заставить тебя полностью изменить жизнь, – добавил Оливер.

Кавендиш усмехнулся:

– Следовательно, игра явно не стоит свеч.

Оливер взглянул на Синклера:

– Твой отец самостоятельно создал финансовую империю, то есть без твоего участия.

Ты использовал свободу, чтобы добиться успеха, и сам взвалил на себя многочисленные обязанности. Это превосходно и совершенно по-американски. Тебе любовь доставила бы только неудобства.

Синклер хмыкнул:

– Думаю, так оно и было бы.

– Что же касается меня... – Оливер сделал новый глоток бренди и помолчал. – По-видимому, я занимаю среднее положение между вами. Я унаследовал положение в обществе и состояние. Представим, что я – глава семьи и поэтому имею соответствующие обязанности. Следовательно, моя свобода уже ограничена. Любовь не привнесет в мою жизнь ни перемен, ни неудобств. На самом деле я не прочь жениться. – Он уныло улыбнулся.

– Тогда, вне всякого сомнения, ты следующий. – Кавендиш чопорно улыбнулся.

– Я никуда не спешу и не думаю о семейном счастье, поэтому и не занимаюсь активными поисками жены. Боюсь, джентльмены, я – романтик. Вне всякого сомнения, однажды я встречу женщину, без которой не смогу жить. А поскольку до этого еще не дошло, пройдет еще какое-то время, прежде чем решусь на брак. А значит... – Оливер поднял бокал. – Я собираюсь последним провозгласить тост, когда стану единственным обладателем коньяка.

– Какое поразительное совпадение. – Синклер усмехнулся. – Я планировал то же самое.

– Советую вам обоим изменить планы, – решительно заявил Кавендиш. – Я твердо намерен стать последним и не сомневаюсь, что я выиграю пари. Особенно это, мне оно по вкусу. Я уже ощущаю вкус коньяка.

– Можно сколько угодно обсуждать, кто будет последним. – Оливер задумчиво взглянул на друзей. – Гораздо интереснее ответить на вопрос... кто следующий?

Глава 1

Женщине по-настоящему нужен мужчина, способный превратить каждый ее день в приключение.
Леди Фелисити Мелвилл

– Тебе следует знать, что это противоречит всему, во что я когда-либо верила, будь то Бог, наука или сама природа. – Леди Фелисити Мелвилл облокотилась о каменную балюстраду балкончика спальни и стала вглядываться в ночное небо. – Все же в моменты отчаяния... Не то чтобы я пребывала сейчас в отчаянии, даже и не думай, но признаюсь, когда тебе двадцать три и ты все еще не замужем, отчаяние начинает кусать за пятки, словно невоспитанный спаниель. Знаешь, я человек вполне разумный. Я не верю в суеверия и никогда не верила.

Она выпрямилась и скрестила руки на груди.

– Феи, эльфы, заклинания и тому подобное. Все это нелепо. При любых других обстоятельствах я даже не задумалась бы доверить собственное будущее и судьбу небесной звезде.

Фелисити не отрываясь смотрела на выбранную ею звезду и высказывала свое желание. Разумеется, ей хотелось, чтобы существовала хотя бы малейшая вероятность исполнения ее желаний. Но для этого нужна идеальная звезда, тогда как эта светила чрезвычайно ярко. Очевидно, слишком яркая звезда привлекает всеобщее внимание, следовательно, и бесконечные желания. И звезда показалась Фелисити довольно-таки потертой (вот такая ерунда приходит ей в голову). С другой стороны, если бы звезда была еле заметной, у нее оказалось бы недостаточно сил для осуществления ее желаний.

Фелисити удержалась от желания прикинуть к телескопу, установленному у нее в комнате прямо за открытыми балконными дверями, чтобы выбрать другую звезду. Не совсем правильно для ее целей воспользоваться телескопом. Подзорная труба, обнаруженная ею в детстве в столе отца, с помощью которой она начала изучать звезды, подошла бы сейчас больше. Такой трубой раньше, наверное, пользовался капитан корабля или моряк, может быть, даже пират, а значит, на ней был налет романтики, вполне соответствующий ее усилиям. Подзорная труба находилась на расстоянии вытянутой руки – на столике за дверями балкона. И все-таки к науке это не имело никакого отношения, а наука и не должна иметь к этому никакого отношения. Это волшебство, может быть, вера или... отчаяние.

– Может быть, прежде чем продолжать, надо объяснить ситуацию. Я последняя в роду.

Фелисити вздохнула подчеркнуто драматично. Но это не вызвало ощущения драмы.

– Кто мог бы подумать, что я останусь единственной незамужней из всех девушек, с которыми встретила на первом балу? Будь я достаточно злой, я сделала бы ставку (хотя я никогда не сделала бы ничего подобного, но если бы сделала...) на Мэри Сент-Джеймс.

Мэри – тихая, скромная, с заурядной внешностью и таким же приданым – привлекла внимание наследника герцогского титула – отдаленного наследника. Теперь у нее двое детей и ожидается третий.

– Что же такое произошло между тем моментом и настоящим? Это будет мой шестой сезон.

Он задумалась на мгновение.

– Нет, пятый, прошлый я пропустила. Большое путешествие. Должна признать, довольно милое. Теперь я гораздо лучше образована и манеры у меня более изысканные. – Не думаю, что от этого что-то сильно изменится.

Однако она заметила повышенное внимание джентльменов на нескольких светских мероприятиях, на которых ей довелось побывать в этом сезоне. Возможно, изысканные

манеры, приобретенные во время путешествия, все же имели значение. Она чувствовала себя спокойнее и увереннее, а по-итальянски стала изыскаться гораздо свободнее.

Фелисити оперлась о дверной косяк.

– Юджиния говорит... – Она взглянула на звезду. – Юджиния Уэнтвистл, теперь скорее всего леди Килборн, моя самая близкая подруга, говорит, что я хочу слишком многого. Если я на самом деле хочу выйти замуж, надо понизить планку. Признаю ее замечание справедливым, но, по правде сказать, не думаю, что мне трудно угодить.

Звезда мигнула, выражая недоверие.

– Признаю, я встречала многих приятных джентльменов. Некоторые из них подходили на роль супруга. Но несмотря на титул, состояние, внешность, все они показались мне обыкновенными и довольно скучными. Даже когда я случайно позволила одному из них поцеловать себя... – Она сконфуженно взглянула на звезду. – Казалось, это будет волновать просто из-за ощущения запретности, но никакого волнения не было и в помине.

Заглядывая в глаза этим приятным, но обыкновенным предполагаемым мужьям, она видела лишь перспективу скучного существования и ничего такого, что свидетельствовало бы о будущем, полном радости и веселья. Именно такая жизнь без волнений, уравновешенная и скучная, так нравилась ее родителям.

– Иногда я сомневаюсь, что это мои родители, – произнесла она страдальческим голосом. – Возможно, меня подкинули к их двери искатели приключений или по крайней мере мечтатели. Но я люблю их всем сердцем, они замечательные, никогда не поднимали вопрос о моем замужестве. Родители же Юджинии всегда боялись, что дочь останется старой девой и останется у них на руках до конца дней. Так что мне в этом смысле повезло. – Она вздохнула. – Они ужасно обыкновенные, совершенно непримечательные, и в жизни их нет места волнениям. – Фелисити видела себя такой же спокойной. – Ну вот, теперь ты все знаешь.

Она не отрывая глаз смотрела на звезду, на свою звезду.

– Мне нужна твоя помощь, ты – мое последнее прибежище. Я не знаю, что теперь делать.

На самом деле это был первый реальный предпринятый ею шаг (если только пожелание можно рассматривать как реальный шаг), чтобы найти такого мужа, какого хотелось. Потребовалось несколько сезонов, чтобы осознать, что ее не интересуют джентльмены, составлявшие обычный круг ее знакомых. А потом был год, когда она активно искала эрудированных мужчин в надежде, что совместные интересы помогут взволновать ее, но и этот путь с горечью пришлось признать ошибочным. Астрономов, с которыми она встречалась, интересовали только созвездия. Большую часть прошлого года она провела в путешествии по Европе в компании двух младших двоюродных сестер и пожилых родственниц. Во время путешествия ей встретилось множество интересных джентльменов, которые могли бы заставить испытывать настоящее волнение, но все же ни один из них не казался идеально подходящим.

– Я не просто хочу заполучить мужа. Внесем ясность. Я могла бы быть замужем. Мне делали предложения. Замечательные предложения. Чего я хочу... Чего я желаю... – Фелисити выпрямилась, – так это беспокойного, нескучного и необычного будущего. Мне нужен муж, способный превратить всю мою жизнь в приключение. Величайшее из приключений. Вот чего я хочу. – Фелисити помолчала. – Пожалуйста.

Она затаила дыхание. Что-то должно произойти. Может быть, идеальный мужчина свалится с неба прямо на балкон. Возможно, французский мушкетер? Хорошо бы Д'Артаньян. Или Эдмон Дантес? Или рыцарь в доспехах, хотя тогда он опустил бы с оглушительным грохотом, а сейчас уже поздняя ночь или раннее утро, смотря как посмотреть.

Фелисити вздохнула. Абсурдная мысль. Даже если ее желание сбудется, это явно произойдет не мгновенно. Просто смысл в том, что столь туманное пожелание не может быть исполнено немедленно.

И все-таки...

– Не хочется выглядеть нетерпеливой, – произнесла Фелисити. – Но я буду признательна, если ты, звезда, немного поторопишься. Я очень хочу выйти замуж, но если уж мне суждено остаться одинокой, я смирюсь с этим и успокоюсь.

Где-то вдалеке залаяла собака.

– К сожалению, я в том возрасте, когда нельзя ожидать, что приемлемые предложения будут поступать постоянно. Осталось мало подходящих холостяков.

Собака продолжала лаять. Фелисити возвела глаза к небу. Странно, что люди не обращают внимания на соседей в столь позднее время.

– Повторяю. Если мое желание не осуществится, я смирюсь с тем, что жизнь моя будет ничем не примечательна. Значит, продолжу жить, как раньше, с надеждой найти джентльмена из хорошей семьи с приемлемым состоянием и (если такое вообще возможно) с приятной внешностью.

В ночи прозвучал выстрел. Фелисити замерла. Потом перегнулась через балюстраду и взглядела в направлении шума, не обращая внимания на внутренний голос. При звуках выстрелов лучше проявить осторожность, а не любопытство. Высокая стена отделяла их дом от дома соседей – лорда и леди Помфри, но балкон оказался замечательным наблюдательным пунктом. В верхней комнате напротив горел свет. Фелисити хорошо рассмотрела мужчину, спускавшегося со стены дома семейства Помфри.

Вне всякого сомнения, это вор. Его застигли, когда он крал драгоценности леди Помфри, коллекцию произведений искусства или нечто не менее ценное. Человек бегом пересек лужайку. Белая рубашка быстро исчезла за стеной. У Фелисити замерло сердце. Господи, он ведь направляется не сюда? Она схватила тяжелую латунную подзорную трубу, которую раньше никогда не считала оружием. Но теперь она вполне могла им стать.

Ее внимание привлекли крики. В окне показались две фигуры. Даже с такого расстояния было видно, что они спорят. Но зачем же спорить? Почему из дома не выбежали слуги и не бросились в погоню?

Может, это вовсе не взломщик? Достаточно слухов ходило по поводу интересов леди Помфри. И все же это мог быть вор. Следовало защитить свой дом и родных. Поднимая подзорную трубу, Фелисити понимала: наблюдать за соседями неприлично, невоспитанно, более того, совершенно недопустимо с моральной точки зрения. Позднее, наверное, придется наказать себя.

Отступив в тень комнаты и радуясь, что не зажгла лампу, не выдав тем самым свое присутствие, она направила подзорную трубу на соседнее окно. Лорд и леди Помфри действительно спорили. Лорд напоминал цветом перезрелые сливы, хотя так могло показаться из-за освещения и большого расстояния. Если имеешь такую супругу, как леди Помфри (все говорили, что и лорд Помфри не лучше), стоит привыкнуть к подобным полуночным происшествиям и относиться к ним спокойно. Но вполне возможно, что лорду Помфри совершенно не понравилось застать жену, когда та была с...

Но где же взломщик?

Фелисити осмотрелась и заметила, что кто-то спрыгнул со стены в ее сад. В такие моменты нельзя поддаваться панике. Следует критически оценить ситуацию. Поймав мужскую фигуру в подзорную трубу, она сфокусировала изображение. Было слишком темно, чтобы различить черты лица. Мужчина оказался высоким, и при неверном свете звезд она заметила впечатляюще широкие плечи и...

И он смотрел прямо на нее! Хотелось отступить назад, глубже в тень, но Фелисити не двинулась с места. Она достаточно сильная и только что жаждала волнений! Да это и не важно – он не мог ее видеть. В комнате за спиной было темно, а свет звезд слишком тусклый, чтобы...

– Скажите, пожалуйста, здесь безопасно? – услышала она тихий мужской голос.

Господи, он ее видит! Мгновение она прикидывала, не проигнорировать ли его и не отступить ли в комнату, где безопасно. Только это верх трусости, и она не имела и не имеет никакого отношения к происходящему, поскольку находится именно там, где и положено. Это он вторгся в чужие владения.

– Мисс, – послышалось из темноты.

Нерешительно опустив подзорную трубу, Фелисити спросила:

– Что означает «безопасно»?

– По-моему, «безопасно» означает совершенно очевидное.

В голосе, явно принадлежавшем образованному человеку с хорошими манерами, послышалось недовольство. Мысли, что он взломщик, улетучились, то есть он мог быть взломщиком, но с хорошим образованием. Герцог, переживающий трудные времена, или принц, пытающийся вернуть королевские драгоценности леди Помфри, или...

– Безопасно, если за мной никто не гонится. Они пустили за мной собак?

Фелисити удивилась.

– А вы довольно-таки нетерпеливы, учитывая ваше положение.

– Будешь нетерпеливым, когда в тебя стреляют, потом приходится спускаться по неровной стене, потеряв по дороге один из любимых сюртуков, и все это при том, что по пятам гонятся пресловутые церберы.

– У них нет собак, – пробормотала Фелисити.

– Но мне показалось, что я слышу собачий лай. – Он подошел к дому.

– Многие соседи держат собак. Наверное, они проснулись от ночного шума, но у Помфри нет собак, хотя, полагаю, вы выразились метафорически. В Лондоне вообще нет церберов! Думаю, леди Помфри завела бы какую-нибудь небольшую и пушистую собачку, совершенно не способную карабкаться по стенам. Хотя если подумать, собаки вообще не умеют лазать по стенам, так что вам ничто не угрожало бы.

– Никогда не вел такой удивительной беседы, – пробормотал незнакомец.

Фелисити подумала, что говорят не с ней.

Он подошел ближе.

Разговор стал странным и неожиданно смущающим. Поразила ее и полная неуместность этого разговора. На ней ночная сорочка, она болтает с мужчиной – наверное, не взломщиком, но доверять ему не следует. Она взглянула на дом соседей. Слуг с фонарями, бегущих к стене, не наблюдалось.

– По-моему, вы в безопасности.

– Прекрасно. – Он усмехнулся. – Значит, так тому и быть.

– О чем вы? – Фелисити взглянула вниз. – Вам не стыдно? Никаких моральных принципов?

– Что вы имеете в виду? – насторожился он.

– Я имею в виду... Полагаю, прежде чем обвинять вас в нарушении моральных устоев, следует убедиться, что вы не взломщик.

– Могу вас заверить, я точно не взломщик.

– Уверены?

– Абсолютно.

– А почему я должна вам верить?

– Понятия не имею. Будь я взломщиком, наверное, я не стал бы общаться с вами и не пошел бы на сделку с дамой из этого дома.

– Это зависело бы от того, хороший ли вы взломщик.

– Я был бы очень хорошим взломщиком. Однако я не таков.

– Нет, не думаю, что вы взломщик.

– Вы будто разочарованы.

– Не совсем. Никогда не стоит разочаровываться, если узнаешь, что твой дом и твои родные в безопасности.

Незнакомец шагнул ближе и поднял голову. Теперь он стоял под балконом. Лицо его было трудно рассмотреть, но голос оказался удивительно приятным.

– И все же в вашем голосе слышно явное разочарование.

– Ну, если вы не взломщик, значит, вы... Едва ли это имеет значение.

– Буду счастлив ограбить ваш дом, если пожелаете.

– Не говорите ерунды. У меня нет никакого желания, чтобы кто-нибудь ограбил мой дом.

– Это утешает. Я совершенно не представляю, как следует грабить дом. Так и пристрелить могут.

– Вполне возможно.

В ящике ночного столика лежал старинный дуэльный пистолет. Фелисити приобрела его после неприятного инцидента в Венеции и с тех пор держала у постели, скорее как психологическую защиту. Находясь под рукой, он придавал смелости. Странно, что она не вспомнила о нем раньше. Конечно, тяжелая подозрительная труба в руке придавала уверенности.

– А теперь, когда мы решили этот вопрос, мне хотелось бы...

– Поскольку мы выяснили, что вы не взломщик, предполагаю, что вы... развлекались с леди Помфри?

– Вы считаете, это достойно порицания, не так ли? – Незнакомец помолчал и повторил вопрос: – Не так ли?

– Безусловно.

Она медленно опустила трубу и попыталась подобрать подходящие слова. Не каждый день приходится выговаривать мужчине за предосудительное поведение.

– Леди Помфри – замужняя женщина. Следовательно, ваши действия достойны порицания. Морального.

– Вы так считаете?

– Да.

– Понятно.

– А вот я так не считаю, – сказал незнакомец.

– Вы не можете не согласиться со мной. Ваше поведение непристойно и аморально и...

– Вот тут-то вы и ошибаетесь.

– Совершенно уверена, что нет.

– Но так оно и есть. – В голосе его прозвучала неприятная нотка триумфа. – Я не женат.

– А при чем тут это?

– Я не женат, а это означает, что я не нарушал клятв супружеской верности, или лояльности, или каких-либо иных обещаний, будучи навечно связанным с кем-то брачными узами. Следовательно, мои моральные принципы тут совершенно ни при чем.

Фелисити удивленно открыла рот.

– Но вы ведь шутите?

– Не шучу. Я отношусь к своему слову и любым обещаниям, включая брачные клятвы, которые я никогда не давал и в обозримом будущем давать не собираюсь, достаточно серьезно. С уважением относиться к собственному слову – моя обязанность, мой святой

долг. Однако за действия, предпринимаемые другими относительно каких-либо обещаний, которые они, возможно, давали, я ответственности не несу.

– Перестаньте. И на вас лежит вина. Леди Помфри не могла развлекаться сама по себе.

– Я не стал бы спорить... Впрочем, не важно.

– Вы – человек с сомнительными моральными принципами?

– Полагаю, это зависит от вашей точки зрения. Для меня вопрос о моральности моих действий вообще не стоит. Я с удовольствием продолжил бы обсуждение моего поведения и его этического аспекта, но мне пора откланяться.

– И правда пора, – пробормотала она, удивившись своему легкому разочарованию.

– Если только вы не собираетесь позвать полицию, чтобы меня арестовали!

– Не говорите глупостей. Позвать полицию я могла бы и раньше.

Хотя мужчине, избежавшему справедливого гнева взбешенного мужа, в высшей степени неприлично находиться у нее под балконом посреди ночи, арестовывать его за это не стоит. Приключение подошло к концу. Фелисити с сожалением указала на дальний конец сада:

– Если вы направитесь к пролому в верхней части стены, то в нескольких футах от него найдете калитку, ведущую к конюшням и проходу на улицу.

– Какому пролому?

– Вон там. Видите, он выделяется на фоне ночного неба, сразу поверх высокой живой изгороди.

– Мне не видно, здесь темно. Думаю, я в любом случае не смог бы увидеть его отсюда. –

Он расстроено вздохнул и направился к шпалерам. – Ну и ночька.

– Согласна. – Она перегнулась через перила балкона. – Что вы делаете?

– Взбираюсь по вашим шпалерам.

Фелисити не обратила внимания на холодок, пробежавший по позвоночнику. Страх это или волнение, с уверенностью она сказать не могла. Вероятно, понемногу и того и другого.

– Разумно ли это?

– Разумно, если хочу увидеть эту вашу калитку и выбраться отсюда.

– Может быть, вам следовало бы приглядеться получше.

Фелисити отступила от балкона, поняв, что ей может угрожать опасность, и крепче прижала к груди подозрную трубу, ощущая уверенность и спокойствие от ее тяжести. Труба и правда могла послужить оружием и оставить солидную вмятину на черепе. К тому же Фелисити не сомневалась, что сможет закричать в случае необходимости.

– Не думаю все же, что вам стоит...

– Если вы опасаетесь за свою добродетель, не стоит.

Над балюстрадой появилась рука, у Фелисити перехватило дыхание. Он передвигался быстрее, чем она ожидала. Удивляться не стоило. Этот человек уже спустился по стене одного дома, перебежал через лужайку и взобрался по стене, не говоря уже о том, чем мог заниматься до этого. И уставшим он совершенно не выглядел.

Незнакомец перегнулся через перила и встал на балкон. Она оказалась права: этот был высокий человек, почти на голову выше ее. В темноте трудно было рассмотреть черты его лица, но она заметила, что они довольно-таки приятные. Днем он выглядел бы просто великомерно. Леди Помфри вряд ли увлеклась бы несимпатичным мужчиной. Улыбка его показала явно безнравственной, и перед ней точно невозможно устоять.

– Я слишком устал, чтобы интересоваться чем-то, кроме сна, в который намереваюсь погрузиться, как только окажусь в собственной постели.

– Я совершенно не испугалась, – высокомерно заметила Фелисити.

– Тогда зачем вы вооружились этим? – Он указал кивком на подозрную трубу.

– Это? – Она переложила подзорную трубу из одной руки в другую. – Это просто старая подзорная труба, когда-то принадлежавшая родственнику-моряку.

– Подзорная труба? – Незнакомец перевел взгляд с инструмента в ее руках на телескоп. – Вижу, у вас есть и телескоп.

– Я изучаю звезды. Они очаровательны.

Он расхохотался:

– Столь же очаровательны, что и соседи?

Ее лицо вспыхнуло.

– Я астроном. Не профессиональный, но все же астроном. Я не подглядываю за соседями!

– Нет?

– Услышав крики и выстрел, я захотела посмотреть, что происходит, но я не имею привычки совать нос в чужие дела.

Он с явным недоверием отвернулся, чтобы осмотреть стену сада. Именно в это мгновение Фелисити пожалела, что не ударила его подзорной трубой, но сделать это еще не поздно. Если он потеряет сознание, его, вероятно, найдут и ее репутация пострадает, а репутация этого человека весьма сомнительная и...

– Знаете, глупо, что вы не испугались. Разговаривать посреди ночи с незнакомцем, моральные устои которого сомнительны, и позволить ему войти в вашу спальню...

– Ничего подобного я не позволяла. – В голосе ее прозвучало возмущение. – Вы вольничаете. Вы без приглашения проникли в мой сад, а теперь, снова без приглашения, появляетесь у меня в комнате и...

– Что ж, именно так и поступает мужчина сомнительных моральных устоев. Теперь я вижу пролом в стене и как до него добраться, поэтому желаю вам спокойной ночи.

– Ну так идите.

– Прежде чем снова воспользоваться шпалерами, хочу поблагодарить вас за помощь.

– Я совершенно ничего не сделала.

– Это-то и ценно. – Без всякого предупреждения он шагнул к ней, взял за руку и поднес к своим губам. – Милая девушка, будь вы моей младшей сестрой, я сделал бы все, чтобы вы просидели под замком большую часть следующего года, чтобы сегодняшний инцидент не повторился.

– Неужели?

– Если бы речь шла о моей младшей сестре, я позаботился бы, чтобы она вооружилась чем-то иным, кроме подзорной трубы, на случай повторения сегодняшнего инцидента.

– Неплохо сказано.

Он засмеялся, отпустил ее руку и вышел на балкон. Перекинув ногу через перила, дотянулся до шпалер.

– Да, еще кое-что. В будущем постарайтесь не пускать мужчин с сомнительными моральными принципами к вам в спальню. По крайней мере до того, когда возраст позволит вам четко представлять последствия сомнительной морали.

Сказав это, он пропал в ночи. Лишь звук шуршащих листьев свидетельствовал, что он вообще был.

– Возраст...

Мгновение Фелисити смотрела в одну точку, потом рассмеялась. Глупец принял ее за ребенка. Конечно, в темноте, когда на ней ночная сорочка, волосы распущены да еще телескоп и подзорная труба, наверное, она и правда выглядела девочкой.

Внизу раздался стук, потом послышались приглушенные ругательства. Фелисити вышла на балкон и перегнулась через перила.

– С вами все в порядке?

- Мой ботинок застрял в вашей проклятой шпалере, и теперь я не могу его найти.
- Сэр, думайте, что говорите.
- Прошу прощения. Очевидно, придется идти по улице в одном ботинке.
- Это кара небесная, не находите? За ваши грехи.
- Вне всякого сомнения.

С этими словами незнакомец пересек лужайку и мгновенно исчез в кустах у подножия стены. Теперь он без труда найдет выход.

Придвинув кресло к балкону, Фелисити оперлась локтями о холодные каменные перила. Этот... он... явно от него веяло приключением, волнением, опасностью, неизвестностью, что случится дальше. И что странно, рука все еще хранила тепло его губ.

Жизнь с таким человеком, наверное, никогда не будет уравновешенной, скучной, обыденной.

Фелисити улыбнулась, встала, нашла на небе звезду.

– Как я благодарна тебе за внимание к моей просьбе. Он прекрасно мне подходит. Конечно, все может оказаться непросто, но это дополнит загадку. Не сомневаюсь, с ним будет весело, хотя он не совсем то, на что я надеялась. Все дело в его сомнительных моральных принципах. Но у него, кажется, есть представления о чести. И с ним никогда не будет скучно. А теперь, если можно, одно небольшое пожелание. Очень хотелось бы узнать его имя.

Глава 2

Мужчине нужна свобода поступать по своему желанию, когда он захочет и пока хочет.

Благородный Найджел Кавендиш

– Итак, – Синклер стоял с бокалом шампанского в руке, глаза его искрились весельем, – тебя спасла маленькая девочка.

– Не назвал бы ее маленькой, – небрежно проговорил Найджел, вглядываясь в танцующие под звуки популярного вальса Штрауса пары.

В сущности, он не собирался присутствовать на сегодняшнем балу и сделал это лишь по настоянию матери. После инцидентов, подобных произошедшему три дня назад с лордом и леди Помфри, необходимо появиться на публике как можно быстрее, чтобы исключить возможность скандала.

Найджел наивно думал, что избежал неприятностей, скрывшись невредимым и незамеченным. В конце концов, леди Помфри явно не захочет обнаружить собственное неблагодарное поведение. Лорд Помфри в тот вечер вернулся домой прямо из объятий актрисы известной репутации. Поэтому он пожелает избежать скандала. Просто Найджел снова не учел, насколько быстро распространяются слухи благодаря лондонским слугам. Служанки и лакеи, камердинеры и повара всегда от души развлекались над похождениями представителей высшего света. Найджел подавил ухмылку. Он явно поразвлек народ, но ощущал кое-какую ответственность. Положение обязывает.

– Она ростом почти мне до носа, слишком высокая, чтобы казаться совсем уж юной. Я предостерег ее, чтобы она впредь не пускала незнакомых мужчин к себе в спальню, а она обвинила меня в отсутствии моральных принципов.

Американец рассмеялся:

– Значит, она великолепна.

– Именно так. И в высшей степени занимательна.

По правде сказать, при других обстоятельствах Найджел с удовольствием поспорил бы с незнакомкой. Что-то в ней ему понравилось. Что-то большее, чем способность сохранять спокойствие в споре с незнакомцем, оказавшимся посреди ночи у нее в саду. Ей явно не занимать храбрости, хотя и не стоит ее так проявлять. Следует быть осмотрительнее.

Норкрофт сдвинул брови.

– Маленькая девочка, говоришь?

– Не то чтобы «маленькая девочка». Это Синклер сказал «маленькая девочка». По-моему, она юная девушка. – Найджел кивнул в сторону сплетничавших молодых женщин. – По-моему, она моложе недавно представленных мне охотниц за мужьями. Наверное, она ровесница моей сестры, ей лет шестнадцать. Признаюсь, трудно сказать. Было очень темно. Она привлекла мое внимание только потому, что на ней было очень широкое белое платье – возможно, пеньюар или что-то подобное, переливавшееся при свете звезд.

– И этот дом граничит с домом лорда Помфри? – поинтересовался Норкрофт.

Найджел кивнул:

– К востоку от него.

С минуту Норкрофт смотрел на Найджела, потом усмехнулся:

– Так это дом лорда Данбери.

– И что это ты так ухмыляешься?

– Дочь лорда Данбери, единственная дочь, единственный ребенок, – леди Фелисити Мелвилл. – Норкрофт улыбнулся еще шире. – И она не маленькая девочка.

Найджел сделал глоток шампанского.

– Я сказал, что она молодая.

– «Молодая» – понятие относительное, особенно в этом случае.

Синклер поднял бровь.

– Сколько ей лет?

– Точно не знаю. По-моему, чуть больше двадцати, – сказал Норкрофт.

– Полная чушь. Не верю ни на миг. Уж как-нибудь я смогу отличить девушку от женщины.

– Даже в темноте? – поинтересовался Синклер.

Найджел усмехнулся:

– Особенно в темноте.

– Но не в этот раз. – Норкрофт оглядел толпу, ткнул приятеля локтем и указал кивком в дальний угол бального зала. – Вот она. Танцует с Бекхемом. Это леди Фелисити.

Найджел проследил за взглядом друга. Норкрофт оказался прав. Вряд ли можно назвать леди Фелисити юной девушкой. Высокая, темноволосая, с хорошей фигурой, хотя, на его вкус, немного худа. Со своего места он не мог рассмотреть черты ее лица, но танцевать для нее, по-видимому, столь же естественно, как и дышать. Она не замужем – то есть оставалась леди Фелисити Мелвилл, которая никогда не была замужем, – а такой тип женщин его не интересовал. Не в этот год. И все же хотелось увидеть ее лицо.

– Вы хорошо знакомы? – обратился он к Норкрофту, не отрывая взгляда от леди Фелисити.

Друг заколебался.

– Значит, хорошо?

– Нет, вовсе нет, – быстро ответил Норкрофт. – По правде говоря, едва знаю ее, хотя наши матери – подруги, моя матушка периодически упоминает ее в качестве возможной невесты.

– А тебе это неинтересно?

– У меня никогда не было возможности проявить заинтересованность или незаинтересованность. Она очень приятная, но каждый раз после танца или разговора с ней у меня оставалось смутное впечатление, что она находила меня не совсем интересным.

Синклер расхохотался:

– Если женщина находит мужчину скучным, у него нет перспективы продолжить знакомство.

– Это ослабляет энтузиазм, – пробурчал Норкрофт.

– Не сказал бы, что она посчитала меня скучным, – заметил Найджел, не отрывая взгляда от леди. – Представь меня.

– Зачем? – поинтересовался Норкрофт. – Она не твой тип.

Найджел взглянул на приятеля:

– А почему нет?

– Она не замужем и никогда не была. Уверен, что ей хочется исправить этот недостаток.

– Девственница в поисках мужа? Нет, только не это. – Синклер мрачно покачал головой. – Кавендиш совершенно ясно изложил свои взгляды по поводу романов с девственницами. Особенно с девственницами из хороших семей, желающими выйти замуж.

– Да, девственниц, нацеленных на брак, а также их родственников, особенно их матерей, следует избегать любой ценой, – твердо произнес Найджел. – Однако я не собираюсь заводить роман именно с этой девственницей. Мне любопытно, только и всего.

Леди Фелисити рассмеялась каким-то словам Бекхема, Найджелу захотелось узнать, что же ее так рассмешило.

– Конечно, ее поведение можно объяснить. Молодость и неопытность мешали понять опасность, исходящую от мужчины с сомнительными моральными устоями.

– Ты имеешь в виду негодяя? – поинтересовался Синклер. – Жулика? Мошенника?

– Всех их и им подобных.

Найджел предпочел бы иметь репутацию негодяя, жулика или мошенника как защиту от самых решительных девственниц – леди Фелисити вполне можно было причислить к ним, – а также их матерей. Почему-то он был уверен, что когда решится на брак, титул, его состояние, положение в обществе быстро изменят эту репутацию.

– Возможно, она не знала, что ты негодяй? – с готовностью подсказал Синклер.

Норкрофт фыркнул:

– Она видела, как мужчина вылез прямо из окна леди Помфри, что за ним гонятся собаки...

– Собак не было, – заметил Найджел.

Норкрофт не обратил внимания на это замечание.

– Негодяй, негодяй худшего сорта – вот первое, что можно подумать в такой ситуации.

– Спасибо за краткость, – усмехнулся Найджел.

– Пожалуйста, всегда обращайся.

– Следовательно, интересно, что думала в тот момент леди Фелисити, правда? – задумчиво проговорил Найджел.

Его друзья обменялись взглядами. Синклер пожал плечами:

– Мне неинтересно.

– Мне тоже, – поддакнул Норкрофт.

– А мне интересно. И я намерен это выяснить. Несколько минут легкой болтовни явно удовлетворят мое любопытство. Надо поблагодарить ее за помощь. – Допив вино, Найджел передал пустой бокал слуге. – Представь, пожалуйста, меня.

Норкрофт покачал головой:

– Сомневаюсь, что мысль удачная.

– Это великолепная мысль. – Найджел шаловливо поднял бровь. – Ты волнуешься за меня? Или за нее?

– Я очень волнуюсь, хотя не уверен точно, за кого именно. Думаю, за обоих.

– Ты же не думаешь, что леди Фелисити как-то может повредить, если меня просто представят ей?

– Не говори ерунды. Подозреваю, леди Фелисити вполне в состоянии позаботиться о себе. – Норкрофт внимательно посмотрел на приятеля и решительно вздохнул: – Просто мне представляется нечто странное: два неподвижных объекта сталкиваются головами.

– Этого не может быть. – Синклер сделал глоток шампанского. – Неподвижные объекты не могут столкнуться. Они неподвижны.

– Именно. – Найджел поправил манжеты на рубашке. – А теперь представь меня бесстрашной леди Фелисити.

Господи, да он направляется прямо к ней!

Не прямо к ней. Скандально известный мистер Кавендиш шел по бальному залу в компании с лордом Норкрофтом, но они явно направлялись туда, где находилась она. Разумеется, она не подала виду, что заметила мистера Кавендиша. Она увидела его раньше, когда он только вошел и разговаривал с лордом Норкрофтом и другим джентльменом. Это знакомство не входило сейчас в ее планы. Она еще не подготовилась к первой настоящей встрече.

Рассмеявшись в ответ на какие-то слова партнера и радуясь возможности притвориться сосредоточенной, она думала совершенно об ином. Этому умению научила ее мать.

«Моя милая девочка, никогда не следует давать скучному джентльмену понять, как он скучен. Это нехорошо. Однако нет необходимости изнывать от скуки, когда можно думать о чем-то более интересном».

Лорд Бекхем, приятный человек и прекрасный танцор, без сомнения, не желал быть благородным мистером Найджелом Кавендишем. Даже если благородство только официальный титул.

Просто хотелось узнать, как зовут этого человека, появившегося в ее саду три дня назад. На следующее утро она лишь упомянула в разговоре с горничной Нэнси, что слышала прошлой ночью шум из дома леди и лорда Помфри. Нэнси же слышала от Бриджет, камеристки, которая узнала от поварахи, у которой роман с зеленщиком, поставлявшим свежую зелень и в дом Помфри, что именно произошло, и назвала имя негодяя. Нэнси никогда не упускала малейшей возможности посплетничать. Очевидно, поведение мистера Кавендиша стало развлечением для всех лондонских слуг.

Фелисити узнала, что этот человек сейчас живет со своими родителями – лордом и леди Кавендиш – в районе Мейфэр только потому, что дом, сданный ему маркизом Хелмсли, уничтожен пожаром. Нэнси рассказала такую неправдоподобную, но забавную историю о мистере Кавендише, актрисе и попугае. А еще она сообщила, что Кавендиш жил в доме маркиза, поскольку в его собственном доме идет ремонт после подозрительного потопа.

У Нэнси сложилось вполне определенное мнение о мужчинах, развлекающихся с актрисами, имеющими или не имеющими попугаев. Каждый ее рассказ изобиловал преувеличениями; многочисленные пересказы походов мистера Кавендиша обросли красочными подробностями. Тем не менее в них явно присутствовало зерно правды. Фелисити обратила внимание на то, что в рассказах Нэнси фигурировали вдовы, замужние дамы с сомнительной репутацией, актрисы. Он участвовал во многих скандальных историях, но ни одна из них не скомпрометировала женщину, если только ее репутация уже не была сомнительной. Очевидно, мистер Кавендиш – порядочный человек. Явное указание на то, что ему просто нужна женщина, способная направить его на путь исправления.

Фелисити Констанс Эванстон Мелвилл – именно такая женщина.

Музыка закончилась, лорд Бекхем проводил Фелисити.

За спиной лорда показался мистер Кавендиш.

– У меня такое впечатление, что вы думали не совсем о нашем танце. – Лорд Бекхем улыбнулся и взглянул на нее с любопытством.

– О, что вы, милорд. – В конце концов, он приятный человек. Фелисити вознаградила его самой широкой улыбкой. – Я просто очарована вами, а потому не могла сосредоточиться на шагах и испытывала неловкость. Сплетни явно припишут это действию спиртного, все будут говорить, что вы специально напоили меня, чтобы подчинить своей воле. Моя репутация пострадает, а виноваты будете вы. – Она демонстративно вздохнула.

Мгновение он вглядывался в нее, потом рассмеялся:

– Замечательно!

– Спасибо.

Бекхем посмотрел на нее с любопытством:

– Раньше мы танцевали и разговаривали с вами, но, признаюсь, я не помню, чтобы вы были такой...

– Изысканной?

– Я собирался сказать «обаятельной», но и «изысканной» подходит.

– Знаете, это влияние путешествий. Ничто не сравнится с новыми впечатлениями, новыми местами, это словно... – Она задумалась на мгновение. – Камень, поднятый с земли и превращенный в нечто прекрасное...

– Драгоценный камень, леди Фелисити. – Лорд Бекхем склонился над ее рукой. – Драгоценность. Изысканная, прекрасная и почти безупречная.

Она рассмеялась:

– Как ни приятно это слышать, но у меня есть ужасные пороки.

За спиной лорда Бекхема раздалось покашливание. Тот нерешительно отпустил руку Фелисити и повернулся.

– Добрый вечер, лорд Бекхем, – поздоровался лорд Норкрофт.

– Норкрофт. Рад вас видеть.

– Добрый вечер, леди Фелисити.

– Добрый вечер, милорд.

Фелисити протянула руку, стараясь не замечать рядом с Норкрофтом мистера Кавендиша. Что ему сказать?

– Сегодня вечером вы особенно обворожительны, – пробормотал Норкрофт.

– Милорд, вы, как всегда, любезны.

Норкрофт улыбнулся в ответ:

– Позвольте представить моего старого друга, мистера Найджела Кавендиша.

Фелисити задержала дыхание и заставила себя приятно и беспристрастно улыбнуться.

– Мистер Кавендиш, это леди Фелисити Мелвилл.

– Очень приятно, миледи. – Кавендиш поднес к губам ее руку.

Странно, что она сразу же не растаяла. Он настолько привлекателен, насколько, по ее мнению, должен быть привлекателен мерзавец. Квадратная челюсть, решительное выражение лица. Волосы темно-каштанового цвета, слегка волнистые. В такие волосы любили запускать пальцы женщины, чтобы убедиться, что они в самом деле густые и пышные. Нос с легкой горбинкой, что скорее привлекало, чем портило его. Глаза, ясные и синие, словно летнее небо, придавали Кавендишу по-настоящему веселый вид. Он будто точно знал, чего хочет женщина, и был готов пойти ради этого на все.

– Мистер Кавендиш.

Она взглянула ему прямо в глаза и ощутила непонятную дрожь. Он посмотрел на нее так, будто смутился от увиденного. Фелисити удержалась от желания поправить прическу, проверить, не исчезла ли с нее одежда и не выросло ли у нее из головы дерево.

– Мистер Кавендиш? – проговорила она снова и высвободила свою руку.

– Разрешите пригласить вас на танец? – выпалил он.

Фелисити ожидала, что этот человек гораздо опытнее, но он казался просто сбитым с толку. Удивительно, но это порадовало ее и сняло напряжение.

– Этот танец?

– Да. Если, конечно, вы уже не обещали его кому-то другому. – Он стал говорить тише. – А если обещали, тогда я приглашу вас на следующий танец, а если и он занят, – на следующий и так до тех пор, пока вы не согласитесь потанцевать со мной.

Теперь он превратился в того очаровательного искусителя, которого она ожидала увидеть.

– Или пока не кончатся танцы, – проговорила она.

– Тогда я сделаю так, чтобы музыканты играли столько, сколько потребуется, – упрямо заявил он.

– А вы настроены решительно.

Он улыбнулся легко и уверенно. Очевидно, его смущение улетучилось.

– Так оно и есть.

Странно, Фелисити чуть было не забыла, что вокруг нее люди.

– По-моему, я вижу кое-кого, с кем хотел бы поговорить, – проговорил Бекхем и посмотрел Фелисити в глаза. – Надеюсь, вы оставите за мной следующий танец?

– Разумеется, милорд. – Она искренне улыбнулась ему.

Бекхем кивнул и удалился. Мистер Кавендиш взглянул на Норкрофта:

– По-моему, я тоже вижу кого-то... – Норкрофт улыбнулся Фелисити, окинул друга предостерегающим взглядом и пропал в толпе.

Фелисити взглянула на мистера Кавендиша:

– Я ошибаюсь, или лорд Норкрофт вам не доверяет?

– Уверяю вас, посреди полного бального зала я в высшей степени достоин доверия.

В этом она сомневалась.

– А где еще?

– В другом месте все иначе.

Мистер Кавендиш предложил ей руку:

– Прошу вас.

Они заняли место в калейдоскопе танцоров, двигавшихся под звуки еще одного вальса.

Казалось, они беседуют на улице, а не обнимают друг друга. Ни в словах, ни в глазах Кавендиша совершенно не было даже намека, что он видел ее раньше. Вполне возможно, что он не узнал в ней женщину с балкона. Конечно, она приложила определенные усилия, чтобы разузнать, кто он такой. Не исключено, что он не предпринимал аналогичных усилий. В конце концов, он принял ее за девочку. Просьба о представлении не более чем совпадение.

– Вы понятия не имеете, кто я такой, правда?

– Я знаю, кто вы. Не могу представить, чтобы в Лондоне не прислушивались к сплетням и не знали, кто вы такой, – спокойно заметила она. – Вы – мистер Кавендиш, сын виконта Кавендиша.

– Ну да, но я имел в виду не совсем это.

Они встретились глазами, и Фелисити сразу же поняла, что он знает, кто она такая, точно так же, как она знала, кто он такой.

– Я понимаю, что вы имели в виду. Повторяю, я прекрасно знаю, кто вы такой.

Она улыбнулась, но надо быть начеку, танцую в его объятиях. Приятный запах, исходящий от него, соответствовал его внешности.

– Признаюсь, довольно трудно разговаривать и одновременно хорошо танцевать. Так что если вы, Фелисити, не против...

– Но я против.

– На балу у Дентонов особенно много вальсов. Ему чрезвычайно нравятся как темп танца, так и близость к партнерше, поэтому я предпочел бы поговорить. Однако если вам неудобно... – Не предупредив, он проводил ее через открытую дверь на террасу. – Мы можем поговорить где угодно.

– Должна сказать, это не совсем прилично.

– Ничего страшного.

– Интересно, стоит ли вам доверять на террасе точно так же, как и в бальном зале?

– Я бы не сказал, что у меня есть выбор.

Он указал в направлении террасы. В бальном зале полно гостей, но и терраса не пустовала. Гости беседовали при свете канделябров. Лакеи непрерывно разносили шампанское. Стояла необыкновенно теплая весенняя погода.

– Мы у всех на виду, мне не остается ничего иного, кроме как быть благородным и достойным доверия.

– Да, конечно, – пробормотала она с легким ощущением разочарования.

Она не готова оказаться с ним наедине, и все же...

– Если только вы не предпочтете более уединенное место. В тени этой террасы и в саду под ней множество укромных уголков.

– Это место прекрасно подойдет, но все равно спасибо за предложение, – ответила она, хотя у нее в голове и правда мелькнула такая мысль. – Вы знаете их все? Укрытые уголки.

– Не все. – Он провел ее к балюстраде. От любого из гостей их одеяли добрых шесть футов – достаточно далеко, чтобы вести приватную беседу и при этом оставаться у всех на виду во избежание слухов о непристойном поведении. – Наверное, несколько. Я много раз бывал на балах леди Дентон.

– А вам знакомы уединенные уголки террасы, скажем, Эффингтон-Хауса? Или Шербурн-Хауса? А Гамильтон-Хауса?

– Я знаю укрытые уголки на любой террасе, где могу очутиться под звездным небом с прекрасной дамой. Никогда не знаешь, когда понадобятся такие знания.

Фелисити рассмеялась.

– Вы находите это смешным? – Он взял два бокала с шампанским и протянул один ей.

– Конечно же.

– Почему? – Он пил шампанское и вглядывался в нее.

– Почему? Точно не скажу. – Она на мгновение задумалась. – Мне очень редко пришлось разговаривать с мужчиной вашего типа. Это волнует и веселит.

– Мужчиной моего типа? – медленно произнес он.

Она уклончиво кивнула.

– А позвольте узнать, что именно означает быть мужчиной моего типа?

– Вы уверены, что хотите это знать?

– Мне интересно ваше восприятие моего типа.

– Вы хотите откровенного ответа? Или лести? – Она сделала глоток шампанского и взглянула на него поверх бокала.

– Человек всегда предпочитает лести откровенности, но сейчас я бы предпочел откровенность.

– Откровенности будет достаточно.

– Что ж, договорились.

Она долго молчала, прикидывая, насколько стоит проявить искренность. Фелисити всегда верила в честность. Возможно, пришло время подвергнуть это убеждение испытанию.

– Вы относитесь к тому типу джентльменов, мягко говоря, от которых матери предостерегают дочерей. Если бы не высокое положение вашего семейства и солидное состояние, общество отвернулось бы от вас.

Он поморщился:

– Пожалуй, я предпочел бы лести.

– Но высший свет – место очень странное. Поэтому на самом деле все считают, что вас можно и даже желательно исправить.

– Из-за упомянутых имени и титула?

– Титул не упоминался, хотя, наверное, надо было. Следовательно, ваши ошибки не повлияют на ваше будущее. – Она подняла бокал. – Вы, мистер Кавендиш, неплохая добыча.

Он усмехнулся:

– Это я знал.

– Не сомневаюсь.

– Вы всегда настолько честны?

– Всегда? Может быть, не всегда, но, думаю, в большинстве случаев. Обычно причин для честности нет. Вам предоставили выбор между честностью и лестью. Вы выбрали правду. Мне не оставалось иного выхода, как проявить полную искренность, так?

– Даже если это неприятно?

– Особенно если это неприятно. Вероятно, это пошло вам, мистер Кавендиш, на пользу. Впрочем, не думаю, что вас задела моя оценка. Просто невероятно, что это стало для вас неожиданностью. Вы сами утверждали, что осведомлены об особенностях своего характера.

– Тем не менее вы меня сильно задели. Возможно, я никогда от этого и не оправлюсь.

Фелисити снова развеселилась. Над этим мужчиной явно стоило потрудиться; потенциал у него огромный.

– Теперь вас забавляет и то, что я уязвлен?

– Нахожу ваши действия забавными.

– Правда? Я думал, что выглядел в высшей степени убедительно.

– Совершенно не сомневаюсь, что вы опытный обманщик. По крайней мере так утверждают слухи. – Фелисити повернулась и взглянула на небо, усыпанное звездами. – Прекрасный вечер, не правда ли?

– Прекрасный.

Фелисити почувствовала, что он всматривается в нее.

– Я вам не особенно симпатичен, не так ли?

Она повернулась и взглянула на Кавендиша:

– Вы снова хотите услышать откровенный ответ?

– Разумнее было бы желать лести. Но я прошу откровенности.

– Великолепный выбор. – Фелисити вздохнула. – Я не совсем уверена, нравитесь вы мне или нет. Мы едва знакомы. Но для меня вы в высшей степени занимательная личность.

– Занимательная и забавная? Едва ли стоит просить чего-то еще.

Девушка снова сосредоточилась на небе.

– Полагаю, большинство женщин находят вас забавным и занимательным.

– Я не уверен...

– Ах, мистер Кавендиш, мужчину с репутацией, подобной вашей, нельзя назвать скучным и заурядным.

– Я никогда не считал себя скучным и заурядным.

– Нет, вы довольно занимательны. Вы нарушаете общественные установки, когда вам только заблагорассудится, ведете себя совершенно бесцеремонно...

– Я бы не сказал...

– Мистер Кавендиш, у вас довольно-таки скверная репутация.

Кавендиш хотел возмутиться, но не успел.

– У меня ваш ботинок, – вдруг сказала она.

– Что?

– Ваш ботинок, застрявший в шпалерах.

Он долго вглядывался в нее, потом медленно расплылся в улыбке.

– Значит, вы меня узнали.

– Нет, не узнала. Но у вас очень запоминающийся голос. – Она с улыбкой посмотрела на него. – Ладно, скажу вам правду. Мало кто не слышал о вашей поздней встрече с дуэльным пистолетом лорда Помфри, не говоря уже о свидании с леди Помфри, которое тому предшествовало.

– Этот вечер оказался неудачным, – пробормотал Кавендиш. – Но надо сказать, и ваше поведение было не совсем безупречным.

Фелисити открыла рот и повернулась к нему:

– Мое поведение?

– Да, оно представляется мне довольно сомнительным. Я считал вас всего лишь девочкой, но теперь, когда я понимаю, что ваш истинный возраст... – Он пожал плечами.

– Однако я не совершила ничего непристойного!

– Миледи, если вы не понизите голос, все на террасе придвинутся поближе, чтобы слышать, в какой именно непристойности скандально известный мистер Кавендиш обвиняет бесстрастную леди Фелисити.

– Бесстрастную? Почему вы назвали меня бесстрастной?

– Это сказал Норкрофт. В данный момент это не имеет значения, хотя, уверяю вас, в его понимании это комплимент.

– Неужели? – Фелисити вовсе не была уверена, что ей нравится, когда ее называют бесстрастной. – Не думаю, что это звучит как комплимент.

– Именно так оно и было.

– А вы меняете тему разговора.

– Да, полагаю, именно это я и делаю.

Она вздохнула:

– Вы правы по поводу того вечера. Я вела себя совершенно неподобающим образом. Надо было поднять тревогу. Обратиться в полицию. Звать на помощь. А самое меньшее, что можно было сделать, так это застрелить вас самой.

Кавендиш усмехнулся:

– Это было бы прилично.

– Запомню на случай вашего повторного появления.

– Повторения не будет.

– Вы прекратили развлекаться с замужними женщинами?

– Я расстался с леди Помфри.

– Только не говорите, что вы исправились.

– У меня нет намерения исправиться сейчас. Не вижу такой необходимости. Если не брать в расчет взаимные удовольствия с некоторыми представительницами противоположного пола, а также склонность к игре (обычно я выигрываю) и чрезмерно мягкий нрав, я ничем не отличаюсь от мужчин моего возраста и положения.

Фелисити взглянула на него с явным недоверием.

– Вы говорите это так, будто вы не единственный со скандальной репутацией и это делает ваше поведение приемлемым.

– Мое поведение можно оправдать. Я молод. Для изменений у меня впереди целая жизнь. Кроме того, как вы сказали, я неплохая добыча.

– Ваше высокомерие поражает, – сухо заметила она.

– Еще раз благодарю вас.

Сделав знак лакею, он заменил пустые бокалы на полные. Фелисити потягивала шампанское и с любопытством вглядывалась в собеседника.

– Зачем вы нашли меня сегодня? Я не из тех женщин, которые обычно вас интересуют.

– Думаю, из любопытства.

– Вы имеете в виду, что я не стала громко кричать, увидев вас?

– Меня заинтересовала женщина, не ужаснувшаяся оттого, что на ее балкон взобрался явно развратник.

– А почему я должна приходить в ужас?

Кавендиш помолчал.

– Ну, с учетом вашей добродетели...

Фелисити подавила смех.

– С учетом моей добродетели?

– Да, конечно. Вы, незамужняя дама из хорошей семьи, находитесь на собственном балконе посреди ночи в ночной сорочке, видите, как некий мужчина с сомнительными моральными качествами вылезает из окна соседнего дома, направляется к вашему балкону. Благо-разумная молодая женщина была бы в ужасе.

– Я готовилась защищаться.

– Чем? Подзорной трубой?

– Она латунная и довольно-таки тяжелая.

– Даже если и так...

Фелисити наклонилась к нему и понизила голос:

– А что, если я неблагоприятна?

– Что вы имеете в виду?

– Именно то, что сказала. А что, если я неблагоприятна? Или, скорее, что я устала проявлять благоразумие? Я всегда верила в науку, в рациональное, в здравые неопровержимые факты. Возьмем, например, звезды. – Она указала кивком на ночное небо. – Их изучение – это наблюдение. И все же множество людей считает их чем-то мистическим и даже божественным. Неотъемлемой составляющей вселенной. Я никогда не верила в глупости типа магии и судьбы, примет и знамений. Вы же, мистер Кавендиш, убедили меня в обратном. – Она заглянула ему в глаза.

– Правда? – медленно проговорил он.

– Совершеннейшая правда.

Стоило ли именно сейчас рассказывать, что он появился в ответ на ее обращение к звездам. Что его появление в ночи она посчитала своей судьбой. Нет, скандально известный мистер Кавендиш скрылся бы в ночи, поняв, что с ним заигрывают. Кроме того, благоразумнее узнать его получше и только потом посвящать в свои планы. Каким-то странным образом, не задавая вопросов, она уже знала, что это ее мужчина. Ее судьба. И он ей нравился.

Она заглянула ему в глаза и соблазнительно улыбнулась.

Глава 3

Мужчине по-настоящему важно знать, что сыну по плечу носить его благородное имя, что он не только наследник, но и хороший человек.

Эдмунд, виконт Кавендиш

– Приятная женщина, – пробормотал Найджел про себя и вручил шляпу и пальто лакею в вестибюле Кавендиш-Хауса. – Едва ли эту женщину можно назвать приятной.

– Прошу прощения, сэра, – предупредительно отозвался слуга. – Вы обращались ко мне? Найджел хмуро взглянул на юношу:

– Вы Джордж, не так ли?

– Да, милорд.

– Что ж, Джордж, позвольте дать вам совет. Когда в следующий раз ваш друг, очень близкий друг, представит вас женщине, которую опишет не более чем приятную, не мешкайте. Бегите изо всех сил.

Вид у Джорджа стал такой, будто он испытывал серьезные опасения по поводу душевного состояния Найджела.

– Да, сэра, именно так я и поступлю.

– Посмотрим.

Найджел кивнул и направился к лестнице. Он все время думал о загадочных словах леди Фелисити и о ее отказе объяснить их. Забыть их невозможно. Почему-то Найджел был уверен, что в них нет ничего хорошего. У него не оказалось возможности для дальнейших расспросов. Ее активно искали многие джентльмены, так что Найджел скоро потерял ее из виду. Наверное, она отправилась домой, вероятно, с родителями. Совершенно ничего зловещего. Но складывалось впечатление, что леди Фелисити его избегает. Проклятие! Что эта женщина задумала? Кажется, весь мир уже знал подробности неприятной истории, произошедшей ночью. А ее роль в этих событиях может повлечь за собой одни неприятности. И все же в этом было нечто... приятное.

Не то чтобы леди Фелисити была неприятной особой. «Приятная» – слово неподходящее. Если судить только о внешности, она более чем просто приятная. Конечно, на первый взгляд она могла показаться самой обыкновенной. Но потом обнаруживалось, что у нее изящная фигура с приятными изгибами и округлостями в подходящих местах. Волосы оказались вовсе не просто темными, как он подумал вначале, а отсвечивали целой гаммой оттенков от рыжеватого до темно-каштанового. Черты лица довольно-таки приятные, но когда он заглянул в глаза... Он просто испугался утонуть в этих карих глазах бездонной глубины, сверкавших умом и чуть скрытым весельем. Найджел никогда не считал карие глаза примечательными, но теперь, когда заглянул в глаза леди Фелисити Мелвилл... На мгновение он просто лишился чувств. Он не помнил, чтобы с ним когда-либо случалось нечто подобное, даже рядом с самыми красивыми женщинами... И это его крайне тревожило.

Кроме того, леди Фелисити обладала присутствием духа и даже решимостью. Если слово «приятная» служило слишком невнятным описанием, то слово «бесстрастная» казалось совершенно подходящим. И все же в этой ауре полной уверенности в себе содержалось нечто явно чувственное и чрезвычайно женственное. Она, скажем так, в самом соку. Найджел не понимал, почему Норкрофт не обращает на это внимания, точнее, на нее. Бекхем совершенно явно все это видел.

Леди Фелисити Мелвилл легко могла стать самой опасной женщиной, когда-либо встреченной Найджелом.

– Сэр, – окликнул его Джордж.

– Да?

– Ваш батюшка сказал, чтобы вы пришли к нему, если прибудете в... э-э-э...

– В приличный час? – подсказал Найджел.

– Сэр, по-моему, он сказал «рано», – произнес Джордж с ноткой облегчения. – Он в библиотеке.

– Жаль, что я не задержался. Спасибо, Джордж.

Найджел ожидал, что приглашен в библиотеку для дальнейшего обсуждения истории с леди Помфри. Проклятие! Мужчине тридцати лет чрезвычайно затруднительно жить под бдительным родительским оком, пусть даже и временно. Слава Богу, ремонт в собственном доме завершат в течение недели. Он с нетерпением ожидал того момента, когда снова станет сам себе хозяином. Родители обращались с ним как с непослушным ребенком. Внутренний голос отметил, что он часто поступает как непослушный ребенок. Как и всегда, когда совесть неприятно напоминала о своем присутствии, он проигнорировал ее голос. Еще наступит время, когда придется принять на себя ответственность за титул и семью. А пока почему бы не пожить в свое удовольствие?

Однако отец его явно считал иначе.

Взяв себя в руки, Найджел распахнул дверь в библиотеку. Длинная комната с рядами книг и окнами от пола до потолка, яркая и веселая при свете дня, ночью выглядела удивительно уютной, несмотря на размеры. Портреты предков в проемах между окнами и позади письменного стола внушали некоторое успокоение. Отец сидел за массивным письменным старинным столом и писал что-то в гроссбухе огромных размеров.

– Сегодня ты рано вернулся, – заметил отец, не поднимая головы.

– Что-то не так, да? – весело поинтересовался Найджел и направился через всю комнату к столику с графином бренди и бокалами. – Постараюсь, чтобы такое больше не повторилось.

– Представь только, как я удивлен, – пробормотал отец, не отвлекаясь от книги.

У виконта Кавендиша всегда масса забот – политическая деятельность, управление фамильными поместьями, в том числе замком, которому несколько столетий и который нуждался в постоянном ремонте, а также множество других вопросов. Огромное количество успешных дел. Заменить его весьма затруднительно. Найджел не ожидал и не желал сейчас заменить отца. В шестьдесят пять лет его отец оставался сильным, здоровым и энергичным.

Наполнив два бокала, Найджел пересек комнату, поставил один около отца, а сам расположился в уютном кресле. Он всегда сидел в этом кресле, когда беседовал с отцом на серьезные, а чаще несерьезные темы. Найджел подозревал, что это кресло служило аналогичной цели, когда за столом сживал дед.

Отец закрыл книгу, отложил ее.

– В конце дня ничто не сравнится со стаканчиком бренди.

– Твоя правда. Ты хотел поговорить со мной?

Виконт откинулся на спинку кресла и всмотрелся в сына.

– Верно.

Найджел вздохнул:

– Если это по поводу того инцидента с лордом и леди Помфри, могу заверить, что не собираюсь...

– Альфред Помфри – распутный идиот и заслуживает того, что получает, женившись на женщине вдвое моложе себя. Летиция Помфри – проститутка. До замужества была проституткой, таковой и остается.

Найджел посмотрел на отца, усмехнулся, испытывая облегчение и чувство радости.

– Мне всегда нравились проститутки.

– Как и большинству мужчин. Однако попрошу тебя ограничиться проститутками из числа засидевшихся девушек и не увлекаться замужними дамами.

Обладай отец чувством юмора, беседа оказалась бы не такой неприятной.

– Неплохо сказано, отец.

– Спасибо. Как ты понимаешь, недостатки лорда и леди Помфри ни в коей мере не извиняют твоего поведения.

– Конечно, нет, сэр.

– Каковы твои планы, мальчик мой?

– Планы? Ну... Первое, что я собирался сделать утром, так это проехаться верхом по парку. Потом навестить портного. А затем...

– Твои планы на жизнь, Найджел...

– На жизнь? – Найджел нахмурился. – Не уверен, что понял вопрос.

– Меня интересует, намерен ли ты продолжать безрассудно растрачивать свои способности и мои деньги в погоне за бессмысленными удовольствиями, а также за такими, как леди Помфри.

Найджел сделал основательный глоток бренди, чтобы обдумать ответ.

– Насколько я помню, по слухам, сэр, вы вели себя как и я, когда были в моем возрасте.

– В твоём возрасте я уже успел послужить в королевской армии, потерял отца и двух старших братьев, получил титул, которого не ожидал получить. Не скрою, попутно участвовал в каких-то неблагоприятных делах. Тем не менее можно сказать, что я получил неплохой опыт, каким бы фривольным ни было прошлое. Ты же, мой мальчик, совершенно иное дело.

– Отец, неужели вы желаете, чтобы я пошел в армию? – поинтересовался Найджел небрежным тоном. – Отправиться на войну, в которой участвует наша страна? Сражаться с русскими?

– Будь у меня выбор, я не хотел бы, чтобы кто-нибудь из моих сыновей приобрел военный опыт.

Виконт Кавендиш редко рассказывал о том времени, когда в молодости сражался против войск Наполеона в Испании. Однако Найджелу доводилось слышать рассказы о храбрости отца и его героизме. Благодаря своим способностям военачальника и мастерству на поле брани Эдмунд Кавендиш заслужил многочисленные медали, прекрасные отзывы, любовь и уважение подчиненных. Многие называли его героем. Отец отвергал это звание, говоря, что разница между героем и трусом часто сводится не более чем к одному мигу.

– Разница состоит в выборе, который делается за долю секунды, – сказал однажды виконт сыновьям. – Те, кого мы называем героями, редко останавливаются, чтобы поразмыслить о последствиях, тогда как трус слишком задумывается, демонстрирует большой интеллект. Герой его не демонстрирует.

Виконт Кавендиш активно протестовал против войны. Конечно, это не возымело никакого эффекта из-за антирусских настроений в Великобритании.

– Это глупая война. Глупее многих прочих. Потому что она идет из-за надуманного вопроса, кто имеет право на ключи от церкви Рождества Христова в Вифлееме? Теперь религия – то же, что и всегда, просто предлог. – Отец задумчиво рассматривал бренди в бокале. – Французы хотят вернуть влияние, утраченное после разгрома Наполеона. Русские хотят упрочить собственное положение. Турция едва справляется с внутренними проблемами, не говоря уже о международных вопросах, а британцы обеспокоены всем сразу и тем, как это повлияет на наши собственные интересы.

Найджел хмыкнул:

– Странно сознавать, что в этом мы заодно с французами.

– И то правда. Мы долго были с французами настоящими врагами. – Он внимательно оглядел сына. – Но ты понимаешь, в чем тут дело, так?

– Это очень похоже на то, как распутывают веревки. Как только найдешь один конец, нетрудно распутать остальное.

– У тебя блестящий интеллект, Найджел. Я долго думал, не предпочитаешь ли ты казаться окружающим иным.

– Изменить мнение людей не в моей власти.

– Разумеется, в твоей. Ты производишь впечатление, что в голове у тебя нет ничего, кроме мыслей о следующей ставке и следующей женщине. Зачем тебе это надо?

Найджел поднял бокал.

– Не забудь упомянуть следующую бутылку вина. Или бренди, как сейчас.

– Пожалуйста, ответь серьезно.

– Мне не особенно нравятся серьезные ответы. Они такие... такие... серьезные. Думаю, проще жить согласно ожиданиям людей, чем превышая их.

– Значит, ты ощущаешь, что люди ожидают от тебя многого?

Найджел встретился с отцом глазами. Оба долго молчали.

– Жаль, что я разочаровал тебя. Ты подчеркнул, что в моем возрасте ты уже...

– Это было иное время и иной мир... – Старший Кавендиш покачал головой. – Если ты воспринял мои слова так, будто я разочарован в тебе, прости. Я не это имел в виду.

Найджел тщательно подбирая слова:

– Значит, ты не разочарован?

– Пока нет. – Отец улыбнулся и с облегчением откинулся на спинку кресла. – А ты не задумывался, почему я никогда серьезно не критиковал твое поведение, как бы постыдно временами оно ни было?

– Я бы не говорил «никогда», – пробормотал Найджел, перебирая в памяти бесчисленные выговоры.

Виконт рассмеялся:

– Может быть, «никогда» – слово и неподходящее, но ты должен признать, что моя реакция на твои действия относительно мягкая. Я никогда не урезал твое содержание, не высылал тебя в деревню и не предпринимал никаких действий, чтобы обуздать тебя. Хочешь знать почему?

– Да, это было бы очень интересно.

– Я так терпимо отношусь к твоему поведению именно из-за моего прошлого. Нет, дело не в развлечениях и кутежах.

Отец допил бренди и взглянул на свой бокал. Найджел принес графин и наполнил бокал отца.

– Знаешь, я не ожидал, что стану следующим виконтом. Моего старшего брата Артура готовили к этому титулу с самого рождения. Я был третьим сыном, и отец купил мне офицерский патент. В конце концов, меня можно было и потерять.

Найджел был удивлен: отец говорил о семье еще реже, чем о военной службе.

– Отец, тебе не обязательно...

– Найджел, наверное, время пришло. Понимаешь, есть вещи, которые тебе следует знать.

Найджела охватило странное чувство, но он постарался сохранить веселый тон:

– Секреты, отец? Семейные тайны и все такое?

– К сожалению, ничего столь интригующего. – Он немного помолчал, будто раздумывая о прошлом, затем продолжил: – Я думал, армия – то место, где может сделать блестящую карьеру человек, находящийся в моем положении, и с радостью отправился сражаться с французами. Позволь тебе заметить, общее представление о войне гораздо приятнее реальности. В любом случае у моего отца оставался наследник и запасной вариант – Лайонел, мой другой брат. Жизнь его была значительно фривольнее твоей. Лайонел был очень веселым.

В то время как Артур все время размышлял о долге и ответственности, Лайонела занимали рулетка и любовные победы. Трудно найти две столь противоположные натуры, и все же они очень любили друг друга. И мы все их любили. – Отец улыбнулся такой печальной, задумчивой улыбкой, какой Найджел никогда не видел. – Я обожал и Лайонела, и Артура, никогда не одобрявшего поведения Лайонела. Ты очень напоминаешь мне Лайонела.

Найджел перевел взгляд на небольшой портрет Лайонела, висевший справа от отца.

– Потому что я на него похож?

– Сходство заметное, но я имел в виду другое.

– Тогда, боюсь, это не комплимент.

– Именно комплимент. По натуре он не был безнравственным, просто любил повеселиться. Лайонел был занятым и умным. Ему каким-то образом удавалось внушить себе мысль, что мир не так уж и мрачен, если в нем есть он. К сожалению, он был безрассуден и пал на дуэли жертвой ревнивого мужа. Я был в Испании, когда он умер. Когда до меня дошло известие о смерти Лайонела, скорпостижно скончался и мой отец. Артур не торопил меня вернуться. Теперь он стал виконтом и быстро освоился с новым положением. Разумеется, помощник ему не требовался. К сожалению, способности моего брата оказались скорее внешние. Как я узнал позже, на момент смерти отца его дела были в некотором беспорядке. Думаю, Артур пытался сделать все, что мог, но это оказалось ему не по силам. А когда он умер, все перешло ко мне. – Он взглянул на сына. – Артур умер, упав с лошади. Ты это знал?

– Кажется, да.

Знания Найджела о родственниках отца ограничивались смутными воспоминаниями и какими-то случайными замечаниями.

– Артур был великолепным наездником. Ни у кого не было такой посадки, как у него. – Виконт помолчал. – Странно, что его судьба решилась таким образом.

Найджел взглянул на отца.

– Ты подозреваешь нечто иное, чем несчастный случай?

– Не совсем, но, если не забывать о способностях Артура, это выглядело странно. – Отец тяжело вздохнул. – Не стоит и говорить, что я сразу же вернулся домой и был поражен, обнаружив, сколь плачевно наше финансовое состояние. В этом отношении Артур ничего не достиг. Он понятия не имел, что надо делать. Все легло на мои плечи. Я работал, брал кредиты, продал кое-какую собственность, вложил средства в поместья, то есть поступал так, как всегда поступали люди в моем положении. Нашел жену с прекрасными связями и внушительным приданым.

– У меня всегда складывалось впечатление, что вы с матушкой поженились по любви.

– Ясное дело. – Отец улыбнулся. – Но я начал ухаживать за ней не потому, что она была симпатичной и умной, хотя это значительно облегчило дело, а потому, что обладала положением и состоянием. Пусть так, но я понял, что для меня она единственная женщина в мире, когда встретился с ней взглядом.

– Взглядом? – Найджел сдвинул брови. – А что такого было в ее глазах?

– Они были да и остались такими синими и глубокими, что в них можно утонуть и встретить свою смерть счастливым человеком. Разве ты никогда не обращал внимания на глаза матери?

– Очевидно, нет.

Конечно, он знал, что у матери синие глаза, но ему ни разу не приходило в голову, что они какие-то особенные. В конце концов, она была его матерью. Может быть, такие вещи в матерях не замечают.

Разумеется, он заметил, какие глаза у леди Фелисити. Она, конечно, не была для него единственной женщиной в мире. Он пока не собирался останавливать свое внимание на одной женщине. Возможно, когда-нибудь, но не сейчас. Какими бы притягательными ни

были ее карие глаза, какой бы привлекательной ни была ее внешность, какими бы интригующими ни были ее манеры, леди Фелисити Мелвилл совершенно ему не подходила. У него свои четкие правила относительно женщин, подобных ей. Молодых незамужних благовоспитанных девиц. У светских дам типа леди Фелисити лишь одна мысль, когда дело касается такого необыкновенного мужчины, как он. И этого достаточно, чтобы отбить всякое желание для дальнейшего общения. Лучше всего впредь избегать леди Фелисити.

– Мудрость твоей матери и ее смелость помогли мне в той же мере, что и ее деньги. Сегодня фамильное состояние снова упрочено. Когда оно попадет в твои руки... тебе будет гораздо легче, чем мне.

– А ты уверен, что я не растрочу его?

– Я в тебе уверен.

Зря. Найджел не стал высказываться вслух. Он понятия не имел, почему отец относится к нему с таким доверием, и испытывал и удивление, и благодарность. И все-таки это не более чем родительская любовь или отеческий оптимизм. Найджел явно ничего не сделал, чтобы это заслужить.

– Однако я не хочу, чтобы ты вступил в права наследства неподготовленным. – Виконт постучал пальцем по тетради в кожаном переплете. – Здесь содержится подробная опись семейного имущества, включая недвижимость и ценные бумаги. – Он толкнул тетрадь Найджелу через стол.

– Как интересно. – Найджел толкнул тетрадь обратно отцу.

– Изучи это. – Виконт снова толкнул тетрадь сыну.

– Ты должен ознакомиться с семейными финансовыми делами за две недели. Тогда ты начнешь проводить здесь по крайней мере часть дня. Через шесть недель тебе тридцать один год, и я передам тебе управление большинством дел.

– Что?! – Найджел выпрямился. – Ты шутишь?

– Нет, не шучу. – Виконт сделал глоток бренди, смотря на сына с явным весельем. – А ты предпочел бы подождать моей смерти?

– Не говори ерунды. – Найджел вскочил и принялся расхаживать по комнате. – Но никто не передает сыну управление делами семьи до того, как... Нет, просто так не делают.

– Ты думал, у тебя больше времени?

– Да. Гораздо больше. – Найджел пригладил волосы, борясь с нарастающей паникой.

– У тебя шесть недель, – повторил отец.

– Значит, времени почти нет.

– Это больше, чем ты получил бы в случае...

Найджел оперся руками о стол и наклонился к отцу.

– Я к этому не готов.

– Никто никогда не был готов.

– Но что, если я потерплю неудачу? Потеряю все состояние? Ввергну семью в нищету? Или того хуже? Ты обязан думать о будущем двух других детей. Робину едва исполнилось двадцать лет, а Фебе лишь шестнадцать. Что бы я ни сделал, это точно отрицательно отразится на их жизни, в чем я совершенно не сомневаюсь.

– Робин – ученый и намерен оставаться ученым. И голова, и сердце его заняты изучением древности. Ученым интересен только изучаемый предмет. Вести такую жизнь не особенно дорого. Что же касается Фебы... Да, дочери обожают красивые вещи, а это крайне дорого. По крайней мере до того, как они выйдут замуж. Тогда это уже проблема другого мужчины. Наши расходы значительно снизились, когда Мадлен вышла замуж.

– А ты рассказывал о своем плане Мэдди?

– Ее это совершенно не касается. Она замужем за хорошим человеком, у нее собственная семья.

– Все-таки мы близнецы.

– Думаю, она единственная, кто одобрит мое решение. Она тоже считает, что тебе пора брать на себя обязанности, принадлежащие по праву рождения. Найджел, я не собираюсь уехать с твоей матерью на юг Италии и оставить тебя наедине с реальностью. Я останусь рядом, чтобы советовать и направлять. Но предупреждаю, твоя матушка всегда хотела путешествовать по миру. Я хочу доставить ей это удовольствие до того, как мы состаримся и будем не в состоянии это сделать.

Найджел долго вглядывался в лицо отца.

– Зачем ты так со мной поступаешь?

Виконт расхохотался:

– Я не делаю с тобой ничего плохого. Я буду направлять тебя, не оставлю в одиночестве. – Выражение его лица стало серьезным. – Думаю, перед тобой надо извиниться.

– Это самое малое, что ты можешь сделать.

– Не за то, что возложил тебе на плечи ответственность, – думаю, этот момент настал.

А за то, что до сих пор предоставлял тебе возможность жить, не задумываясь ни о чем, кроме веселья и проказ. Наверное, я поступал так потому, что в твоём возрасте у меня не было возможности жить без забот. Признаюсь, я получал удовольствие, наблюдая за твоими проделками.

– Значит, следующие шесть недель тебе явно понравятся. – Найджел выпрямился и расправил плечи. – Предупреждаю, отец. Я собираюсь очень хорошо провести время.

– Меньшего я и не ожидаю. – Виконт встал.

– Могут случиться один-два незначительных скандала.

Отец кивнул:

– Совершенно не удивлюсь.

– Я даже снова свяжусь с леди Помфри, – пригрозил Найджел. – Ну, может быть, не с леди Помфри.

– Но с кем-то в равной степени известным. Да?

– Более или менее. Надо всегда стремиться к лучшему.

Виконт взял грессбук и вручил его сыну.

– И последнее. В эти шесть недель тебе стоит начать поиски жены.

– О нет. У меня пока нет желания быть связанным с одной женщиной до конца жизни.

Думаю, через шесть недель я буду готов к этому не больше, чем сейчас.

– Я просто предложил, – мягко заметил отец.

– Как таковое я это и приму. Значит, ты во всем уверен? Если пожелаешь передумать...

– Я никогда не пересматриваю хорошие решения. У меня нет ни малейших сомнений.

Мальчик мой, я уверен в тебе так же, как и твоя мать.

Глава 4

*Чего по-настоящему желает сестра, так это помочь.
Мадлен, графиня Уиндем*

– Что случилось?

Графиня Уиндем, урожденная Мадлен Кавендиш, смотрела на гостью так, будто у той вдруг выросли крылья и хвост.

Фелисити одарила леди Уиндем ослепительной улыбкой.

– Я намереваюсь выйти замуж за вашего брата.

Леди Уиндем явно была в восторге.

– Вы хотите выйти замуж за Робина? Это чудесно.

Теперь удивилась Фелисити:

– Кто такой Робин?

– Мой брат, разумеется. Робин, точнее, Роберт Кавендиш.

Фелисити была в замешательстве.

– Прошу прощения, леди Уиндем. Очевидно, я совершила ужасную ошибку.

Как можно так ошибиться? Фелисити встала. И так ничего хорошего в том, что ей хватило храбрости посетить сестру Найджела, но то, что она обратилась не к той женщине, решительно стало еще одним унижением из тех, что она никогда не забудет. Чем скорее она уйдет, тем лучше.

– Мне дали понять, что вы сестра, то есть мне сказали, что вы с мистером Найджелом Кавендишем близнецы.

Леди Уиндем удивилась:

– Вы говорили о Найджеле? Найджеле Кавендише?

– Да, – медленно произнесла Фелисити.

– А вы и правда знакомы с Найджелом Кавендишем?

– Да. – Фелисити кивнула.

– И вы все равно хотите выйти за него замуж?

– Да.

Решимость выйти замуж за Найджела лишь окрепла за то время, что они провели вчера вместе. В этом мужчине что-то есть. Странно, но именно так оно и было. И все же хотелось узнать о нем побольше, чем из сплетен слуг.

– Значит, вы все-таки родственники? Хоть в этом я права.

– Ах, вы правы во всем. Я сестра и Найджела, и Робина. Когда вы сказали, что хотели бы выйти замуж за моего брата, я просто предположила, что вы говорите о Роберте. Он из тех мужчин, за кого хотят выйти замуж. Что же касается Найджела, то он из тех, кого предпочитают избегать женщины, намеренные вступить в брак. Найджел совершенно не склонен к браку и не старается это скрыть. А теперь, дорогая, присаживайтесь. Нам нужно много обсудить.

– Я была бы вам очень за это признательна. – Фелисити снова опустилась на парчовый диван со вздохом облегчения. – Нет слов, чтобы передать, как я смутилась, подумав, что пришла не к той даме.

– Вы совершенно точно пришли к той даме. Могу я полюбопытствовать, как вы познакомились с Найджелом? Кажется, вы совсем не относитесь к его типу женщин.

– Он мной не интересуется. По крайней мере пока. Хотя, возможно, немного заинтригован.

– Тем не менее вы намереваетесь выйти за него замуж? – медленно проговорила леди Уиндем.

– Именно так.

– Почему? – Леди Уиндем прищурилась. – Если вас интересует его положение в качестве наследника моего отца, я...

– Нет, не интересует, – быстро возразила Фелисити. – Хотя, должна признаться, стало облегчением узнать, что он происходит из хорошей семьи и имеет перспективы, а не заурядный взломщик, вор или кто-то из множества других преступников, каковым я его первоначально считала.

– Понятно, как состоялось знакомство, – пробормотала леди Уиндем. – Где, говорите, вы познакомились с моим братом?

– Я этого не говорила. Однако, думаю, нет ничего дурного, если я вам это расскажу. В конце концов, вы его сестра. – Фелисити не знала, как объяснить обстоятельства их первой встречи с Найджелом, поэтому начала издали: – Понимаете, я в некотором смысле астроном. Ничего особенного, просто любительница астрономии, для меня это настоящая страсть. Пару вечеров назад небо было особенно ясным, а ясными ночами стоит пользоваться, особенно в Лондоне. Их не так много, как в деревне. Поэтому, разумеется, я находилась на балконе с телескопом и изучала звезды. Не совсем изучала, если честно, но...

Леди Уиндем нагнулась и положила руку на плечо Фелисити:

– Вы так много говорите, дорогая. Может быть, перейдем к главному?

– Да, конечно. Знаете, обычно я не болтлива, говорю немного, но сейчас слегка нервничаю. Понимаете, мой дом отделен от дома лорда и леди Помфри не более чем лужайкой и садовой стеной. В тот вечер...

Леди Уиндем подняла руку, останавливая ее:

– Не продолжайте. Я слышала достаточно. Могу представить себе остальное. Поверьте, у меня прекрасное воображение. И это... это... это знакомство?

Фелисити кивнула.

– И это убедило вас в том, что вы непременно должны стать его женой?

Все это, конечно, выглядело абсурдно. Фелисити слабо улыбнулась:

– Более или менее. Вчера вечером я разговаривала с ним снова. На балу у леди Дентон.

– Понимаю. – Леди Уиндем мило улыбнулась. – Разрешите полюбопытствовать, не было ли в вашем семействе случаев помешательства?

– Нет, насколько мне известно.

Леди Уиндем вздохнула:

– Не знаю, как выразиться поделикатнее. Вы не... скомпрометированы?

У Фелисити перехватило дыхание. Она вспыхнула.

– Господи, нет! Мы только танцевали вместе.

– Хорошо. – Леди Уиндем вздохнула с облегчением. – Прошу прощения, но, принимая во внимание вполне заслуженную репутацию Найджела... – Она сдвинула брови. – Если вы не сумасшедшая и ваша репутация в порядке, зачем такой, как вы, хотите быть женой такого мужчины, как Найджел?

– Как я? – Фелисити подавила недовольство и сохранила спокойный тон. – Со мной что-то не так?

– Вовсе нет, потому-то я и в смущении. Вы кажетесь вполне приемлемой, превосходной потенциальной супругой. Может быть, вы и посланы в ответ на мои мольбы. – Она критически оглядела Фелисити. – Вы привлекательны, но не чересчур. Вы из хорошей семьи. Манеры приличные, но не слишком. Очевидно, иначе здесь бы вас не было.

Фелисити удивленно спросила:

– Это хорошо? Я всегда считала это недостатком.

– Не для той женщины, которая желала бы выйти замуж за Найджела. Слишком приличная жена ему бы не подошла. – Мэдлин посмотрела на визитную карточку Фелисити, которую все еще держала в руках. – Ваша фамилия мне смутно знакома. – Значит, вы дочь графа Данбери?

Фелисити кивнула.

– Я не знакома с вашими родителями и не слышала о них, что, вероятно, добавит чести вам, а точнее, им.

Положив визитную карточку, леди Уиндем снова взгляделась в Фелисити. – Однако не понимаю, почему я ничего о вас не знаю. Я годами искала подходящую невесту для брата. Для Найджела. С Робинотом другая проблема. Его интересуют лишь книги. С другой стороны, он много младше Найджела. Не могу поверить, что вы ускользнули из поля моего зрения.

– Большую часть прошлого года я провела за границей, а до того, наверное, была не особенно приметной.

– Что-то не похоже. Поверьте, это самый настоящий комплимент. Вас очень трудно не заметить. Кроме того, вы решили, что вам нужен Найджел, и предпринимаете шаги к достижению поставленной цели. Это превосходно, я одобряю вас. Найджелу не нужна скучная красивая жена, не имеющая собственного мнения и делающая именно то, что он пожелает, не задавая никаких вопросов. В течение месяца она наскучит ему до слез. Но чего я все-таки не понимаю... почему именно Найджел?

– Почему Найджел? – Фелисити не была уверена, что сможет сказать что-нибудь осмысленное, но как же тогда убеждение, что Найджел именно тот мужчина, который ей нужен? Не рассказывать же сестре этого мужчины, что она мечтала о волнующем мужчине как раз в тот момент, когда он появился в ее жизни словно по волшебству. Нет, леди Уиндем опять захочет выяснить, не было ли в роду Фелисити сумасшедших. – Признайте, он довольно-таки привлекателен.

Леди Уиндем отмахнулась.

– Найджел довел свою привлекательность до очень высокого уровня. А вы, несмотря на намерение выйти замуж за моего брата, производите на меня впечатление совершенно разумной молодой женщины. Разумным молодым женщинам не могут вскружить голову очаровательные красавчики с сомнительной репутацией.

– По-моему, он умен и остроумен.

– Вы это заметили? Мне всегда казалось, что Найджел впадает в крайности с целью скрыть любое проявление интеллекта.

– Неужели? Как странно. Зачем выдавать себя за дурака, явно не являясь таковым?

– Мой брат... Не знаю, как выразиться, всегда прекрасно понимал, что он наследник нашего отца и следующий виконт. Мой отец очень умен и очень талантлив во всем, будь то командование людьми во время сражения, управление семейными делами или политика. По правде сказать, он из тех, о ком слагают легенды. Довольно страшно стать наследником легенды. Найджел опасается, что не сможет жить в соответствии со стандартами, установленными отцом, а поэтому и не пытается это делать.

– Понятно.

Фелисити не могла себе представить, чтобы этот человек, просто излучавший уверенность, испытывал хотя бы малейшие сомнения по поводу своих способностей. Сердце сжалось.

– Но ведь есть же что-то еще? – поинтересовалась леди Уиндем. – Почему вы хотите стать его женой?

– По-моему, несмотря на его репутацию, он хороший и честный человек. Более того, думаю, жизнь с мистером Кавендишем никогда не будет скучной.

– Вы говорите дело. Вы так проникательны. Должна признать, вы удивительно точно установили его характер, хотя встречались с ним всего два раза. Как вы можете быть уверены, что он именно тот мужчина, который вам нужен?

– Потому что я пожелала такого, и он появился. Не знаю, но я просто уверена. Звучит, конечно, глупо. Могу добавить, что никогда не была ни в чем столь уверена. Я, наверное, должна была ужаснуться, когда он влез ко мне на балкон... Но я не испугалась. А вчера вечером, когда я встретила его снова, сердце у меня застучало, во рту пересохло и хотелось лишь одного – броситься к нему в объятия и не покидать их до самой смерти. Могу заверить, раньше со мной не происходило ничего подобного. Кроме того, он кажется... подходящим. Не могу объяснить лучше. Никогда не ощущала такого по отношению к мужчине. Думаю, подобное ощущение проигнорировать нельзя. В конце концов, я верю... он – моя судьба.

– Судьба? Понимаю. – Леди Уиндем надолго задумалась, потом глубоко вздохнула: – Что ж, я верю в судьбу. Всегда верила. Это объясняет многое в жизни. Случаются и более странные вещи, чем встреча с подходящим мужчиной, когда он... – она поморщилась, – влезает глубокой ночью к вам на балкон. А еще я думаю, что моему брату нужна хорошая, разумная, добродетельная...

– Но не слишком добродетельная?

Леди Уиндем улыбнулась:

– Не слишком добродетельная женщина, которая наставит его на путь истинный. Знаете, придется сильно потрудиться. Исправить моего брата. По своей воле он не станет вести себя приемлемо. Эта задача вам по плечу?

– Да.

– Замечательно.

– Значит... вас не беспокоит, что я плохо его знаю? Плохо для брака?

– То, что говорят, будто мужа надо хорошо знать до брака, – полная ерунда. Я едва знала мужа, когда мы поженились, но мы счастливы почти десять лет. – Она наклонилась к Фелисити, будто раскрывая большой секрет: – Во всяком случае, никогда не узнаешь мужчину по настоящему, пока не выйдешь за него замуж. Я часто размышляла над тем, что чем меньше знаешь супруга, по крайней мере вначале, тем лучше. Тогда совместная жизнь превращается в череду открытий. Разумеется, нужно быть уверенной, что выбрала в мужья хорошего и честного человека. Вы уже увидели это в Найджеле и если есть какие-то сомнения, с удовольствием разрешу их. – Она улыбнулась: – Вот так. Вы это пришли выяснять? Испытали какое-то облегчение?

– Вы и правда подтвердили то, что я уже ощущала. Само по себе это в высшей степени странно. Я всегда считала себя здравомыслящей и практичной, пока недавно не поняла, что желаю чего-то большего, чем разумная практичная жизнь. Именно в тот момент, когда встретила вашего брата. – Фелисити покачала головой: – Все это совершенно бессмысленно. Но почему-то... с Найджелом все иначе.

Леди Уиндем просияла.

– Моя дорогая, так бывает, когда находишь своего мужчину.

Осторожный стук в дверь гостиной возвестил о приходе горничной с подносом, на котором стояли чай и печенье. Поставив поднос на столик рядом с леди Уиндем, она молча удалилась. Леди Уиндем налила чаю, вручила чашку Фелисити и откинулась в кресле.

– А теперь я могу узнать ваши планы?

– Я планирую выйти замуж за мистера Кавендиша.

– Во-первых, если вы собираетесь выйти замуж за Найджела, думаю, совершенно приемлемо называть его по имени, по меньшей мере между нами. А поскольку мы станем сестрами, вам следует называть меня Мадлен, а я буду звать вас Фелисити.

– С удовольствием, Мадлен.

– Во-вторых, ваше намерение выйти за Найджела – цель, а не план. – Мадлен помешивала сахар у себя в чашке размеренными движениями. – У вас нет плана, так?

– Конечно же, у меня есть план. И очень хороший план. – Фелисити старалась изо всех сил придумать что-то, что напоминало бы план хотя бы отдаленно. Даже плохой план был бы лучше, чем полное отсутствие такового. Вдруг она осознала, что не имеет даже начала плана. – Мой план – попросить совета у кого-то, кто хорошо знает Найджела. – У вас.

– Очень хорошо. Это и правда великолепный план. Здравомыслящая и практичная женщина объединяет усилия с той, которая знала его еще до рождения. Бедный Найджел, да ему просто некуда деваться. Мы поженим вас еще до окончания сезона.

– Я не хочу заставлять его жениться. Мне нужно, чтобы он хотел жениться на мне.

– Насильственный брак совершенно ни к чему. Найджел упирался бы, словно упрямый осел. Мы сделаем так, чтобы вы не оказались в положении, когда на карту будет поставлена ваша репутация, что будет нетрудно. Как я и говорила, вы не из тех женщин, каких предпочитает Найджел.

– Я знаю.

– Но вы – та женщина, на которой он захочет жениться. Просто надо заставить его понять это.

– И все? Кажется, это недостижимо.

– Я и не говорила, что это просто. Найджел очень не хочет жениться. Вы сказали, он был вами заинтригован?

– Думаю, да.

И правда, расставшись с ним на балу, Фелисити прекрасно знала, что Найджел пытался найти ее снова, и избегала его до отъезда домой.

– По правде сказать, я в этом совершенно уверена.

– Хорошо. Думаю, первое, что мне надо сделать, – это выяснить, насколько он заинтригован. Не уверена, что Найджел бывал заинтригован уважаемой молодой женщиной. Это чрезвычайно интересно, и это очень хороший знак.

– Вы так считаете?

Мадлен уверенно кивнула.

– А теперь, перед тем как пойти дальше, мне необходимо узнать все, что было между вами.

– Все? – удивилась Фелисити.

– Во всех подробностях.

Глаза Мадлен засветились озорством, Фелисити поняла, что это то самое озорство, которое она заметила в глазах Найджела. Цвет глаз был приблизительно похож, но сестра-близнец Найджела ни капли не походила на него. Ни в чем, кроме блеска в глазах. Графиня Уиндем – великолепный союзник.

Несколько последующих минут Мадлен задумчиво слушала, а Фелисити рассказывала все подробности их разговора с Найджелом, включая ее замечание о том, что она, возможно, не хочет быть благоразумной. Упомянула она и о том, что она избегала его до конца вечера.

– О, это очень хорошо. Ничто не сводит Найджела с ума быстрее загадки, которую он не может разгадать. Вы положили блестящее начало. – Она немного подумала. – Мне кажется, сейчас надо продолжать движение по выбранному пути. Мы обеспечим ваше присутствие на каждом светском рауте, на котором будет он. Сезон идет полным ходом, это совершенно нетрудно.

– Не могу представить, что Найджел присутствует на тех раутах, на которые я приглашена.

– К счастью для нас, присутствие на светских раутах во время сезона – одна из немногих обязанностей, которые Найджел принял на себя в качестве будущего виконта. Для него

это не составляет никакого труда, поскольку Найджел всегда любил хорошие вечера. Мы согласуем ваше расписание с его расписанием. Полагаю, вас, как приятную молодую даму, все захотят пригласить. Я сделаю так, чтобы вы получили приглашения на все рауты, на которые вас еще не пригласили.

– Значит, идея состоит в том, чтобы повсюду попадаться ему на глаза?

– Конечно, звучит несколько невнятно, но самые лучшие планы – те, что не слишком сложны.

– А потом что?

– Остальное зависит от вас. – Мадлен небрежно повела плечом. – Вы уже привлекли его внимание. Нужно продолжать делать это, одновременно игнорируя его.

Фелисити наморщила лоб.

– Что?

– Это вопрос баланса. Если по-простому, надо соблазнить его, притворяясь не слишком заинтересованной. У Найджела никогда не случалось, чтобы он интересовался женщиной без ответного интереса. Это сведет его с ума.

– Не знаю, хочу ли я свести его с ума.

– Конечно, хотите. Только впад в совершенное помешательство, он поймет, что, несмотря на отвращение к браку, единственной возможностью заполучить вас (а он этого захочет) будет брак.

– Звучит не особенно честно. Скорее это расчет и достижение цели окольными путями.

– В том-то и прелесть. Нужно быть расчетливой и идти окольными путями, когда в твоей жизни появляется твой мужчина, не имеющий понятия, что он таковым является. Особенно это касается мужчин, не интересующихся браком. Что же до честности, то честность между мужчинами и женщинами чрезвычайно переоценивается. Разумеется, для честности есть определенное время и место, но следует внимательно выбирать это самое время и место.

Фелисити была поражена и не знала, что сказать. Честность всегда казалась ей чем-то очень-очень важным. И все же Мадлен знала Найджела лучше, чем кто бы то ни было. Если ради победы надо немного схитрить, она схитрит.

– Что ж, пусть будет так.

– Прекрасно. – Мадлен улыбнулась. – Судьба судьбой, но, как бы сильно я ни верила в предназначение, скажу, что полагаться лишь на провидение нельзя. Кроме того, древние люди представляли себе богинь судьбы полуодетыми прекрасными женщинами, но я всегда думала, что судьба – это совсем иное. Если задуматься о природе судьбы, можно найти прекрасный аргумент в пользу того, что судьба на самом деле – мужчина.

– Мужчина? – удивилась Фелисити.

– Если подумать, мужчинам свойственно делать заявления, по-настоящему не задумываясь о последствиях. Они просто дают предписания то насчет одного, то насчет другого, совершенно не задумываясь, как получить предписанное. Нет, судьба – определенно мужчина. И, как и всякий мужчина, нуждается в помощи хорошей женщины. – Графиня Уиндем пила чай и с удовлетворением улыбалась будущей золовке. – А мне так хочется помочь.

– Что мне делать?

Найджел расхаживал по гостиной Мэдди. Он не спал всю ночь, мучась от груза ответственности, который однажды ляжет на его плечи. Он просто не готов к тому, что это «однажды» придет так скоро. Первое, что он собирался сделать утром, так это открыть душу перед сестрой, но не смог заснуть до рассвета и проспал гораздо дольше, чем предполагал. Остановившись, он встретился взглядом с сестрой.

– Что мне делать?

– Я не знаю. Принять свои обязанности? Вести себя как взрослый человек?

Мэдди улыбнулась. Эта улыбка ему хорошо знакома. За приятной улыбкой не скрывалось ничего приятного. Неужели ему суждено быть мучимым женщинами, считавшимися приятными, но на деле совершенно иными? Он не стал об этом раздумывать. Нельзя постоянно отвлекаться на образ леди Фелисити, не покидавший воображения.

– Тебе легко говорить. – Найджел продолжил мерить комнату шагами. – Ты преуспеваешь на выбранном поприще.

– Какое это у меня выбранное поприще? Умоляю, скажи, что это я такое выбрала?

– Ты и сама знаешь. Графиня, хозяйка дома, жена, мать. Что у тебя сейчас? Семнадцать детей?

– Пять, как тебе прекрасно известно. Только временами кажется, что их семнадцать.

– Нет, милая сестренка. Временами кажется, что их сорок.

Даже теперь он не смог противостоять соблазну пошутить насчет детей Мэдди: пять мальчишек, а среди них две пары близнецов. По правде говоря, он обожал племянников, но предпочитал общаться с ними недолго и на почтительном расстоянии. Иногда их присутствие доставляло ему удовольствие. Сестра сказала бы, что сам он чуть старше маленького ребенка.

– Положение жены и матери я выбирала точно так же, как ты – поприще следующего виконта и главы семьи.

– Но тебе это подходит. Ты очень неплохо справляешься.

– Слава Богу. Только это подходит мне, как и большинству женщин, поскольку настоящего выбора у нас нет. Нам нельзя получить законным образом профессию. Нам позволено заниматься искусством как хобби. Если женщина бедная и имеет хорошее воспитание, она может стать учительницей в начальной школе или гувернанткой с унизительно низким жалованьем и отсутствием уважения.

– А ты платишь гувернантке унизительно низкое жалованье?

– Я плачу гувернанткам эквивалент их веса в золоте. Каждой из них.

Найджел постоянно подшучивал над сестрой из-за того, что она не могла удержать надолго ни одну гувернантку, как бы хорошо ни платила ей. Дети ее были, мягко говоря, резвыми.

– Я люблю моих детей, обожаю мужа, получаю удовольствие от занимаемого в обществе положения и вполне довольна жизнью. И все же неплохо по-настоящему иметь выбор и возможность стать кем-то другим. – В голосе сестры появилась тоскливая нотка, никогда ранее Найджелом не замечаемая.

– А кем бы ты стала?

– Не знаю. Наверное, мне понравилось бы учиться в Оксфорде, как ты. Думаю, было бы здорово заниматься политикой или правом. Или наукой. Я бы с удовольствием стала астрономом.

– Астрономом? – Он улыбнулся сестре. – Почему ты так сказала?

– Просто так. – Она улыбнулась слишком невинным образом. – Вдруг пришло на ум. Найджел прищурился. Его сестре ничто не приходило на ум «просто так».

– Я тебе не верю.

– Тем не менее это так. Изучать звезды – увлекательное занятие, это очень даже романтично. Ночи напролет рассматривать звездное небо в телескоп. Например, на балконе.

У леди Фелисити есть и телескоп, и балкон. Она единственная из его знакомых, у кого это было, хотя, по правде говоря, если не брать в расчет Робина, в круг его знакомых не входили ученые. Заявление сестры было очень необычным. Возможно, кто-то навел ее на такую мысль?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.